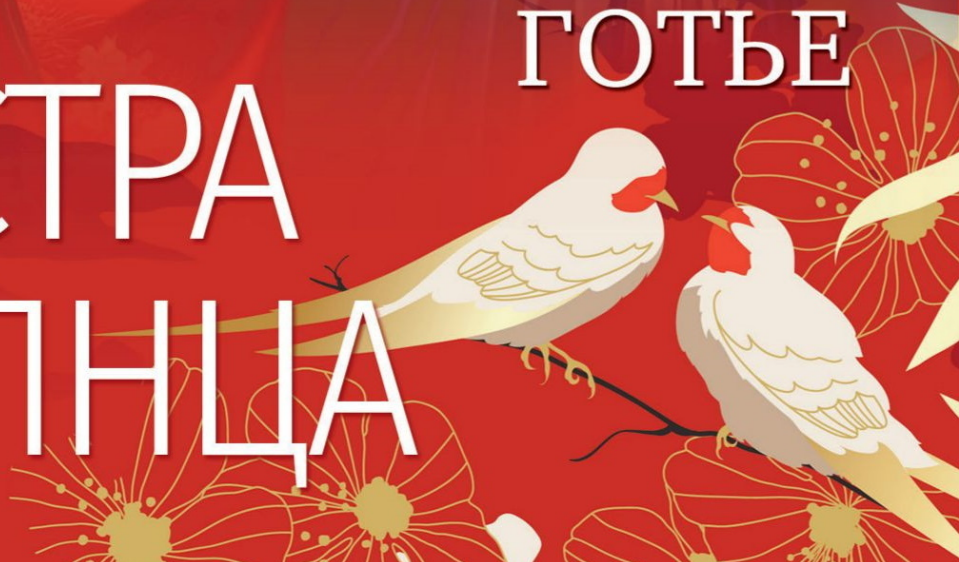

О Д Н А И С Т О Р И Я Л Ю Б В И

ЮДИТ
ГОТЪЕ

СЕСТРА
СОЛНЦА

Одна история любви (Вече)

Юдит Готье
Сестра Солнца

«ВЕЧЕ»

1875

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4 Фр)

Готье Ю.

Сестра Солнца / Ю. Готье — «ВЕЧЕ», 1875 — (Одна история любви (Вече))

ISBN 978-5-4484-5480-6

1614 год. Япония. Молодой и невероятно красивый принц Нагато считается идеалом придворного. А благодаря своим веселым приключениям, которые обсуждаются на всех углах, он популярен не только в кругах аристократов, но и у простого народа. Любая девица или женщина с радостью примет ухаживания от Нагато, но он влюблен в ту единственную, которая для него недоступна... В жену императора, которую называют «сестра Солнца». Тем временем в Японии разгорается междоусобная война. Принц должен помочь своему другу и господину – юному сегуну – выиграть. В постоянных стычках с врагом думать о любви некогда! Однако из-за войны нарушается привычный ход вещей в государстве. То, что еще недавно было совершенно невозможно, становится возможным хотя бы отчасти.

УДК 821.133.1-311.6

ББК 84(4 Фр)

ISBN 978-5-4484-5480-6

© Готье Ю., 1875

© ВЕЧЕ, 1875

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	23
Глава V	29
Глава VI	36
Глава VII	41
Глава VIII	45
Глава IX	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юдит Готье Сестра Солнца

Серия «Одна история любви»

Перевод с французского *О. Трачевской*

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Глава I

Лимонная роща

Ночь кончалась. Все было погружено в сон в прелестной, веселой Осаке. Только пронзительная переключка часовых на валу раздавалась по временам в тишине, которую нарушал лишь отдаленный рокот моря в заливе.

Над темной массой дворцов и садов сегуна¹ медленно меркла звезда. Утренние сумерки дрожали в воздухе. Волнистые очертания верхушек леса стали яснее вырисовываться на синеве неба.

Скоро бледный свет озарил самые высокие деревья и проскользнул между ветвей и листы до земли. Тогда выступили туманные аллеи садов, наполненные цветущим терновником. По траве разлился изумрудный цвет. На клумбе пионов заблистали роскошные цветы. В конце аллеи из тумана выступила белая лестница.

Наконец, небо сразу зарделось. Потоки света, пробегая по кустарникам, зажгли капельки росы на листьях. Фазан тяжело опустился на землю; журавль распустил свои белоснежные крылья и с протяжным криком медленно поднялся ввысь, тогда как земля дымилась, как курильница, а птицы во весь голос приветствовали восходящее солнце.

Как только божественное светило поднялось над горизонтом, раздался звон гонга. Звуки были однообразны, докучливо-печальны: четыре сильных, четыре слабых удара, и так без конца.

Звонили, приветствуя день и возвещая об утренних молитвах.

Внезапно раздался молодой, звонкий смех, на минуту заглушивший этот благочестивый звон, и на площадке белой лестницы появились два человека, казавшиеся темными на светлом небе.

Они остановились на минуту на верхней ступеньке, чтобы полюбоваться очаровательной чащей кустарников, папоротников и цветущих кустов, из которых состояли перила лестницы.

Затем эти двое медленно спустились по ступеням, на которые каждая ветвь отбрасывала причудливую тень.

Дойдя до подножия лестницы, они быстро отступили, чтобы не задавить черепаху, которая ползла по нижней ступеньке. Верхний щит этой черепахи был позолочен, но позолота немного потускнела от сырой травы.

Оба человека пошли по аллее.

Младшему из гуляющих было не более двадцати лет, но ему можно было дать больше по гордому выражению его лица и по уверенности взгляда. Когда же он смеялся, то казался ребенком. Впрочем, он смеялся мало, и какая-то гордая печаль омрачала его прелестный лоб.

Его костюм был очень прост: на нем было платье из серого крепа и голубое атласное пальто без всякого шитья; в руках он держал раскрытый веер.

Наряд его товарища, наоборот, был в высшей степени изыскан. Платье состояло из белого мягкого шелка, слегка голубоватого, как будто сохранявшего отблеск луны. Оно ниспадало мелкими складками до ног, а по талии было перехвачено черным бархатным кушаком. Обладателю его было двадцать четыре года. Он был безукоризненно красив. Странной прелестью дышало его разгоряченное, бледное лицо, его мягкие насмешливые глаза, а главное – все его существо, проникнутое какой-то презрительной небрежностью. Он опирался рукой на богатую

¹ Сегун – полководец, по приказу императора становящийся во главе войска, которое подавляет бунт или усмиряет «варваров». В XVII веке, когда разворачивается действие романа, сегуны являлись фактическими правителями государства. Власть императора была номинальной.

рукоятку одной из своих сабель, концы которых поднимали складки его черного бархатного пальто с болтающимися рукавами, накинутого на плечи.

У обоих гулявших головы были непокрыты, и их волосы были связаны узлами на макушке.

– Но куда же ты меня, наконец, ведешь, милостивый господин? – воскликнул вдруг старший из молодых людей.

– Вот уже в третий раз ты мне задаешь этот вопрос с тех пор, как мы вышли из дворца, Ивакура.

– Но ты мне ничего ни ответил, слава моих очей!

– Ну, так я хочу сделать тебе сюрприз. Закрой глаза и дай мне руку.

Ивакура повиновался; спутник заставил его сделать несколько шагов по траве, а затем повелел:

– Теперь смотри!

Ивакура открыл глаза – и слегка вскрикнул от удивления.

Перед ним простиралась лимонная роща, вся в цвету. Каждое деревце, каждый кустарник казался покрытым инеем. На более высоких стволах занимавшееся утро разливало розовые краски и золото. Все ветви гнулись под душистым бременем. Цветущие кисти клонились к земле, которой касались слишком тяжелые ветви.

Среди этого белого цвета, распространявшего чудесную свежесть, там и сям высывались пучки нежной зелени.

– Видишь? – сказал младший из гуляющих, улыбаясь. – Я хотел разделить с тобой, мой любимец, удовольствие видеть раньше всех этот чудесный расцвет. Когда я приходил вчера, роща казалась жемчужным кустом, сегодня все цветы раскрылись.

– При виде этой рощи я думаю об одном изречении поэта о цветах персика, – сказал Ивакура: – «На это дерево пролился дождь из бабочкиных крыльев, которые, пролетая по утреннему небу, окрасились в розовый цвет».

– Ах! – воскликнул младший, вздыхая. – Я бы хотел погрузиться в середину этих цветов, как в ванну, и опьянить себя до смерти их сильным запахом!

Ивакура, полюбовавшись, принял слегка разочарованный вид.

– Еще более роскошные цветы готовы были распусться в моих мечтах, – сказал он, подавляя зевоту. – Господин, зачем ты меня заставил так рано встать?

– Полно, принц Нагато! – сказал молодой человек, кладя руку на плечо своего спутника. – Я не заставлял тебя встать, ты не ложишься в эту ночь!

– Что ты говоришь? – вскричал Ивакура. – Где доказательство?

– Твоя бледность, друг, и твои усталые глаза.

– Разве я не всегда такой?

– Одежда на тебе была бы слишком роскошна даже для петушиного часа². А посмотри, солнце едва встает, и теперь кроличий час³.

– Для того, чтобы почтить такого господина, как ты, нет слишком раннего часа.

– А это тоже для того, чтобы почтить меня, неверный подданный? Ты являешься передо мной вооруженным? Эти две сабли, забытые у пояса, выдают тебя. Ты только что вернулся во дворец, когда я велел позвать тебя.

Виновный склонил голову, отказываясь от оправданий.

– Но что у тебя на руке? – вскричал вдруг младший, видя тоненькую белую повязку, которая виднелась из-под рукава Ивакуры.

Последний спрятал эту руку за спину и показал другую.

² Шесть часов вечера.

³ Шесть часов утра.

– Ничего нет, – сказал он.

Но его спутник схватил спрятанную руку. Принц Ивакура Нагато вскрикнул от боли.

– Ты ранен, не правда ли? В один прекрасный день придут и доложат мне, что Нагато убит в пустячной ссоре. Что ты еще наделал, неисправимый смельчак?

– Когда к тебе явится правитель Иэясу⁴, это тебе станет слишком хорошо известно, – сказал принц. – Ты узнаешь удивительные вещи, о знаменитый друг, о твоём недостойном любимце. Мне кажется, что я уже слышу страшный голос этого человека, от которого ничто не скроется. Он скажет тебе: «О, Фидэ-йори⁵, предводитель армии Японии, сын великого Тайко-самы⁶, перед памятью которого я благоговею. Да будет тебе известно, что великие беспорядки смутили в эту ночь Осаку!...»

Принц Нагато так хорошо подражал голосу Иэясу, что молодой сегун Фидэ-йори не мог удержаться от улыбки.

Нагато продолжал изображать диалог в лицах:

– «А что это за беспорядки?» – скажешь ты. – «Разломанные ворота, стук, шум, скандалы». – «Известны ли зачинщики этого злодеяния?» – «Предводитель один виноват, и я знаю этого виновного». – «Кто же это?» – «Кто же, как не тот, кто попадает в всяких происшествиях, во всех ночных драках? Кто же, как не принц Нагато, ужас честных семей, гроза мирных людей?» А так как ты простишь меня, о всемилостивейший, то Иэясу упрекнет тебя в слабости, прозвонив о ней очень далеко – так, чтобы эта слабость повредила сегуну и послужила бы в пользу правителю.

– Но если я, наконец, рассержусь на твоё поведение, Нагато, – сказал сегун, – если я отправлю тебя на год в твою провинцию?

– Я пойду туда безропотно, господин.

– Да, а кто же будет любить меня здесь? – печально сказал Фидэ-йори. – Я вижу кругом себя большую преданность, но не любовь, подобную твоей. Но, может быть, я неправ, – прибавил он, – я одного тебя люблю, и, наверно, поэтому-то мне и кажется, что меня никто не любит, кроме тебя.

Нагато поднял на собеседника взор, полный благодарности.

– Ты чувствуешь, что я простил тебя, не правда ли? – сказал, улыбаясь, Фидэ-йори. – Но постарайся избавить меня от упреков правителя. Ты знаешь, как они тяжелы для меня. Иди приветствовать его: он скоро встанет. Мы увидимся на совете.

– Значит, нужно будет приветствовать этого урода? – проворчал Нагато.

Но он должен был идти, поэтому поклонился сегуну и удалился с недовольным видом.

Фидэ-йори продолжал прогуливаться по аллее, но вскоре вернулся в лимонную рощу. Он остановился еще раз перед ней, чтобы полюбоваться, и сорвал свежую веточку, покрытую цветами. Вдруг листва зашелестела, как от сильного ветра. Ветви раздвинулись от резкого движения – и среди цветов появилась молодая девушка.

Сегун быстро отступил и чуть не вскрикнул. Он подумал, что ему представилось видение.

– Кто ты? – вскричал он. – Может быть, дух этого леса?

– О нет! – сказала молодая девушка дрожащим голосом. – Но я очень смелая женщина.

Она вышла из рощи, осыпанная дождем белых лепестков, и бросилась на колени в траве, протягивая руки к собеседнику.

Фидэ-йори склонился к ней и стал с любопытством рассматривать ее. Она была восхитительно хороша: маленькая, грациозная, девушка как бы тонула в своих широких одеж-

⁴ Имеется в виду Токугава Иэясу (1543–1616) – принц Минамото, японский военачальник, дипломат и государственный деятель.

⁵ Имеется в виду Тоётоми Хидэёри (1593–1615) – самурайский полководец средневековой Японии.

⁶ Суффикс «-сама» означает «самый уважаемый».

дах. Можно было подумать, что тяжесть шелков заставила ее встать на колени. В ее больших, чистых глазах, похожих на глаза ребенка, виднелись робость и мольба; бархатистые, как крылышки бабочек, щеки слегка покраснелись. Маленький полуоткрытый от восхищения ротик позволял видеть блестящие зубки, белые, как капельки молока.

– Прости меня, – говорила она, – прости, что я нахожусь перед тобой без твоего разрешения.

– Я прощаю тебя, бедная трепещущая птичка, – сказал Фидэ-йори, – потому что, если бы я знал тебя и знал бы, чего ты хочешь, я пожелал бы тебя видеть. Чего ты хочешь от меня? В моей ли власти сделать тебя счастливой?

– О, господин! – вскричала молодая девушка с восторгом. – Одним словом ты можешь сделать меня более счастливой, чем Тен-Сию-Дай-Тзин, дочь Солнца⁷.

– Что же это за слово?

– Поклянись мне, что ты не пойдешь завтра на праздник духа моря.

– К чему эта клятва? – спросил сегун, удивленный такой странной просьбой.

– Потому что, – сказала молодая девушка, дрожа у его ног, – мост внезапно обрушится, и вечером у Японии не будет сегуна.

– Ты, без сомнения, открыла заговор? – сказал, улыбаясь, Фидэ-йори.

При этой недоверчивой улыбке молодая девушка побледнела, и глаза ее наполнились слезами.

– О, чистый круг светила! – вскричала она. – Он не верит мне! Все, что я сделала до сих пор, ничто. Вот ужасное препятствие, а я о нем и не подумала. Слушаются голоса кузнечика, возвещающего жару... Прислушиваются к кваканью лягушки, предвещающей дождь, но молодую девушку, которая кричит вам: «Берегитесь! Я видела западню, смерть на вашем пути!» – не слушают и идут прямо в западню. Все-таки это невозможно, ты должен был мне поверить. Хочешь, я убью себя у твоих ног? Моя смерть будет залогом моей искренности. Впрочем, если б я и ошиблась, что тебе за дело! Ты все-таки можешь не пойти на праздник. Послушай, я пришла издалека, из дальней провинции; одна под тяжестью моей печальной тайны, я перехитрила самых тонких шпионов, я победила свой ужас и слабость. Мой отец думает, что я отправилась на богомолье в Киото, и видишь: я в твоём городе, в ограде твоих дворцов. Однако часовые бдительны, рвы широки, стены высоки. Посмотри, мои руки в крови, меня сжигает лихорадка! Сейчас я думала, что не в состоянии буду говорить: так мое ослабшее сердце трепетало при виде тебя, а также от радости спасти тебя. Но теперь я чувствую головокружение, кровь стынет у меня в жилах: ты мне не веришь!

– Я верю тебе и клянусь повиноваться тебе, – сказал сегун, тронутый отчаяньем, которое звучало в ее голосе. – Я не пойду на праздник духа моря.

Молодая девушка радостно вскрикнула и с благодарностью посмотрела на солнце, восходившее над деревьями.

– Но скажи мне, как ты открыла этот заговор, – продолжал сегун. – И кто его зачинщики?

– О, не приказывай мне говорить тебе этого! Все это бесчестное сооружение, которое я разрушаю, обрушится на меня же.

– Хорошо, девушка, сохрани свою тайну, но скажи мне, по крайней мере, откуда у тебя эта великая преданность и почему моя жизнь так дорога тебе?

Молодая девушка медленно подняла глаза, потом опустила их и покраснела, но ничего не ответила. Смутное волнение охватило сердце Фидэ-йори. Он замолчал и поддался этому впечатлению, полному сладости. Он хотел бы долго простоять так, в молчании, среди этого пения птиц, этого благоухания, перед этим коленопреклоненным ребенком.

⁷ Тен-сео-дай-цзин или Аматаэрасу – богиня Солнца, популярная в Японии.

– Скажи мне, кто ты, которая спасает меня от смерти, – сказал он наконец, – и укажи вознаграждение, достойное твоей отваги.

– Меня зовут Омита, – отвечала молодая девушка. – Больше я ничего не могу сказать тебе. Дай мне цветок, который ты держишь в руке: это все, чего я от тебя хочу.

Фидэ-йори протянул ей лимонную ветвь. Омита схватила ее и скрылась в роще.

Сегун долго неподвижно стоял на одном месте, озабоченный, смотря на траву, измятую легким телом Омита.

Глава II

Рана Нагато

Принц Нагато возвратился в свой дворец.

Он спал, растянувшись на груде тонких циновок. Царила почти полная темнота, так как шторы были спущены и перед окнами стояли большие ширмы. Только некоторые стенки, покрытые черным лаком, блестели в темноте и смутно отражали, как тусклые зеркала, бледную голову принца, закинутую на подушки.

Нагато не удалось видеть Иэясу: правитель был занят очень спешным делом, как ему сказали. Радуюсь этому обстоятельству, молодой принц поспешил пойти отдохнуть несколько часов, которые оставались до совета.

В комнатах, соседних с той, в которой он спал, слуги тихо ходили взад-вперед, приготавливая принадлежности туалета своего господина. Они ступали осторожно, чтобы не скрипнул пол, и беседовали вполголоса.

– Наш бедный господин неразумен, – говорила пожилая женщина, опрыскивая духами парадное пальто. – Постоянно празднества, ночные прогулки, никогда нет отдыха: он погубит себя.

– Нет! Удовольствия не убивают, – сказал мальчик-подросток с дерзким лицом, одетый в яркое платье.

– Что ты, тля, понимаешь? – возразила служанка. – Разве не скажут, что он проводит свою жизнь в развлечениях, как вельможа? Не рассуждай так смело о вещах, которых не знаешь!

– Я, может быть, знаю их лучше тебя, – ответил мальчик, скорчив гримасу. – Да, лучше тебя, которая еще не вышла замуж, несмотря на свои зрелые года и удивительную красоту.

Служанка выплеснула содержимое флакона в лицо подростку, но тот закрылся серебряным зеркалом, которое только что натирал, добиваясь большей прозрачности. Духи не достигли цели и пролились на пол. Слуга высунул голову, когда миновала опасность.

– Хочешь, я на тебе женюсь? – спросил он. – Ты прибавишь к моим годам твои, и вместе мы составим молодую парочку!

Служанка издала гневный вопль.

– Замолчишь ли ты, наконец? – спросил другой слуга, грозя ей кулаком.

– Но невозможно же слушать этого малолетнего негодяя, не приходя в ярость и не краснея!

– Красней, сколько тебе угодно, – сказал подросток, – это не производит шума.

– Ну, замолчи же, Лоо! – сказал лакей.

Лоо пожал плечами и надулся, потом беспечно принялся тереть зеркало.

В эту минуту в комнату вошел человек.

– Мне нужно говорить с Ивакурой, принцем Нагато, – сказал он громко.

Все слуги замахали руками на вновь прибывшего, чтобы водворить тишину. Лоо бросился к нему и приложил к его губам тряпку, которой вытирал зеркало, но человек резко оттолкнул его.

– Что все это значит? – сказал он. – С ума вы сошли, что ли? Я хочу говорить с господином, которому вы служите, с известным даймио⁸, который повелевает провинцией Нагато. Предупредите его и перестаньте дурачиться.

– Он спит, – прошептал слуга.

⁸ Даймио – человек, принадлежащий к феодальной знати в Японии.

– Его нельзя будить, – сказал другой.
– Он ужасно устал, – сказал Лоо, приложив палец к губам.
– Несмотря на свою усталость, он будет рад меня видеть, – сказал незнакомец.
– Нам приказано разбудить его только за несколько минут до часа, когда начнется совет, – сказала служанка.
– Я ни за что не возьмусь разбудить его, – сказал Лоо, приблизив губы к уху незнакомца.
– И я тоже, – сказала старуха.
– Я пойду сам, если хотите, – сказал посланный. – К тому же час совета приближается: я только что видел, как принц Арима направлялся в залу Тысячи Циновок.
– Принц Арима! – вскричал Лоо. – Он, который всегда опаздывает!
– Увы! – сказала служанка. – Успеем ли мы одеть нашего господина?
Лоо раздвинул перегородку и открыл узкий проход, а затем тихо вошел в комнату Нагато. В этой комнате было свежо, и тонкий запах камфары и мускуса наполнял воздух.
– Господин, господин! – говорил вполголоса Лоо. – Пора, и потом там посланный.
– Посланный?! – вскричал Нагато, поднимаясь на локти. – Какой он с виду?
– Он одет, как самурай: за кушаком у него сабли.
– Скорей впустите его! – сказал принц дрожащим голосом.
Лоо побежал позвать посланного, который распростерся на пороге комнаты.
– Подойди! – сказал Нагато.

Но так как посланный не мог двигаться в этой темноте, то Лоо отодвинул одну половинку ширмы. Полоса света ворвалась в комнату. Она осветила тонкую ткань циновки, разостланной на полу, и озарила на стене серебристого аиста с изогнутой шеей и распущенными крыльями.

Посланный приблизился к принцу и протянул ему тонкий сверток бумаги, закрытый шелковым лоскутком, потом вышел из комнаты, пятясь задом.

Нагато быстро развернул бумагу и прочел следующее:

«Ты пришел, знаменитый, я это знаю. Но к чему это безумие и эта тайна? Я не могу понять твоих поступков. Я получила серьезный выговор от моей государыни⁹ из-за тебя. Ты знаешь: я шла по саду, провожая ее до дворца, как вдруг увидела, что ты прислонился к дереву. Я не могла сдержать крик, и она обернулась и посмотрела по направлению моего взгляда.

– А! – сказала она. – Значит, ты так вскрикиваешь из-за Нагато? Разве ты не могла, по крайней мере, удержаться и не делать меня свидетельницей твоего бесстыдства?

Потом она несколько раз оглядывалась на тебя. Гнев, сверкавший в ее глазах, наводил на меня страх. Я не посмею показаться ей завтра на глаза и отправляю к тебе это послание, чтобы упросить не возобновлять этих странных появлений, так как они влекут за собой гибельные для меня последствия. Увы! Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? И нужно ли тебе это говорить? – я стану твоей женой, когда ты захочешь... Но тебе нравится обожать меня, как богиню пагоды Тридцати трех тысяч трехсот тридцати трех¹⁰. Если б ты много раз не рисковал своей жизнью только для того, чтобы увидеть меня, я подумала бы, что ты шутишь надо мной. Умоляю тебя: не подвергай меня больше подобным неприятностям с выговорами от моей госпожи, и не забывай, что я готова признать тебя моим господином, и что мое самое пламенное желание – жить подле тебя».

Нагато улыбнулся и медленно свернул послание. Он устремил взор на светлую полосу, которая падала из окна на пол, и глубоко задумался.

Юный Лоо был сильно разочарован: он пробовал было читать через плечо своего господина, но послание было написано китайскими иероглифами, а он не знал этого языка. Он

⁹ То есть от императрицы.

¹⁰ Пагода, расположенная в Киото, в которой помещены 33 333 бога.

довольно хорошо понимал катакану, и даже был отчасти знаком с хираганой¹¹, но китайского письма он, к несчастью, не знал. Чтобы скрыть свою досаду, он подошел к окну и, приподняв один край шторы, посмотрел на улицу.

– А! – воскликнул он. – Принц Сатсума и принц Аки прибыли вместе. Люди их свиты бросают друг на друга косые взгляды. А! Сатсума идет впереди. О! Вот и правитель идет по аллее; он смотрит сюда и смеется, видя, что свита принца Нагато стоит еще у дверей. Он еще не так засмеялся бы, если бы знал, что туалет моего господина еще не начинался.

– Пусть смеется, Лоо, а ты подойди сюда, – сказал принц, и, отвязав от пояса кисть и сверток бумаги, он написал наскоро несколько слов. – Беги к сегуну и отдай ему эту бумагу.

Лоо пустился со всех ног, с удовольствием опрокидывая всех, кто попадался ему на пути.

– А теперь, – сказал Ивакура, – одевайте меня живей.

Слуги засуетились, и скоро принц уже надел свои широкие панталоны, которые волочились по земле, так что казалось, будто их обладатель идет на коленях. Затем ему надели пышное парадное пальто, отягченное вышитыми на рукавах знаками отличия. Знаки Нагато состояли из черной полосы над тремя шарами, которые составляли пирамиду.

Молодой человек, обыкновенно очень внимательный к своему наряду, не обратил никакого внимания на труд своих слуг. Он даже не взглянул в зеркало, так хорошо вычищенное Лоо, когда ему надели на голову высокую остроконечную шапку, подвязав ее золотыми тесемками.

Как только туалет его был окончен, Нагато вышел из дворца, но он был так погружен в свои размышления, что вместо того, чтобы сесть в норимоно¹², которое ожидало его среди провожатых, пошел пешком под палящим солнцем, волоча по песку свои огромные панталоны. Свита, испуганная этим нарушением этикета, последовала за ним в величайшем смятении, а шпионы, обязанные следить за поступками принца, поспешили доложить своим начальникам об этом необычайном событии.

Резиденция Осака была ограждена широкими и высокими стенами, прерывавшимися время от времени полукруглыми башнями. Стены представляли собой огромный квадрат, в котором заключалось множество дворцов и обширных садов. С юго-запада крепость примыкала к городу. На севере река, которая протекает по Осаке, расширялась и образовывала у подножия стены огромный ров. На востоке ее омывала более узкая река. На верхах стен виднелся ряд столетних кедров с темной зеленью, которые простирали над зубцами свои плоские и горизонтальные ветви. Внутри, за ровом, вторая стена заключала в себе парки и дворцы, предназначенные для сегуна и его семьи. Между этой стеной и валом находились помещения для чиновников и солдат. Третья стена окружала сам дворец сегуна, который возвышался на холме. Это было обширное здание, отличавшееся простотой и благородством постройки. Над ним там и сям возвышались четырехугольные башни с многоуровневыми крышами. К наружным галереям поднимались мраморные лестницы с легкими лакированными перилами, украшенные у основания двумя бронзовыми чудовищами или двумя большими фаянсовыми вазами. Площадка перед дворцом была усыпана гравием и белым песком, который блестел на солнце.

Посреди здания возвышалась четырехугольная широкая башня, очень высокая и величественно украшенная. На ней было семь крыш с загнутыми вверх краями. На верхней крыше блестели две чудовищные золотые рыбы, которые были видны со всех концов города.

В этой-то части дворца, рядом с этой башней, и находилась зала Тысячи Циновок, где собирался совет.

Вельможи прибывали со всех сторон. Они поднимались на холм и направлялись к главному входу дворца, за которым длинная галерея вела прямо в залу Тысячи Циновок.

¹¹ Катакана и хирагана – две графические формы японской слоговой азбуки.

¹² Норимоно – закрытое сиденье или носилки, используемые для перевозки знати и высокопоставленных самураев.

Эта огромная, высокая зала была совсем без мебели. Подвижные перегородки, раздвигающиеся по желобкам, наполняли ее, и когда их сдвигали, то получались комнаты разных размеров. Но перегородки всегда были широко раздвинуты, так что получался красивый вид вдаль. Стенки у одних ширм были покрыты черным лаком с золотыми разводами, у других – красным лаком или сделаны из букового дерева, жилки которого сами по себе образовывали красивые узоры.

Одна перегородка была раскрашена известным мастером, а обратная сторона ее была затянута белым шелком, расшитым крупными цветами. У другой – на матовом золотом фоне персиковое дерево в розовых цветах протягивало свои узловатые ветви, или просто по темному дереву были разбросаны в беспорядке белые, красные, черные кружки. Пол был покрыт белоснежными циновками с серебряными каймами.

Вельможи, в широких, волочившихся по земле панталонах, казалось, шли на коленях, а материя шуршала по циновкам, напоминая отдаленное журчание водопада. Впрочем, присутствующие благоговейно молчали. *Хатамото*, позднейшие дворяне, возникшие по воле правителя, сидели на корточках в самых отдаленных углах, тогда как *самураи*, старинные дворяне, владельцы поместий и вассалы принцев, проходили мимо этих новых вельмож, бросая на них презрительные взгляды. Они довольно близко подходили к большой спущенной завесе, которая скрывала трон сегуна. *Владыки земли*, владетельные принцы, образовали большой полукруг перед троном, оставив свободное место для тринадцати членов совета.

Вскоре пришли советники. Они кланялись друг другу и обменивались вполголоса несколькими словами, потом садились на свои места.

Налево, боком к спущенной занавеске, помещался высший совет. Он состоял из пяти человек, но налицо было только четверо. Ближе всех к трону сидел принц Сатсума, добрейший, почтенный старец с длинной бородой; перед ним лежала циновка отсутствующего. За ним сидел принц Сатакэ, который кусал губы, тщательно расправляя складки своей одежды. Он был молод, с темной кожей, с необыкновенно живыми черными глазами. Перед ним помещался принц Уэсуги, человек немного полный и беззаботный. Последним был принц Изида, низенький и некрасивый.

Семь низших советников, сидевшие на корточках напротив трона, были принцы: Арима, Фиго, Вакаса, Аки, Тоза, Исэ и Курода.

У входа произошло движение, и все головы склонились к земле. В залу вошел правитель. Он шел быстро, не стесненный, как принцы, длиннейшими панталонами, и сел, скрестив ноги, на кучу циновок, по правую сторону трона.

Иэясу был тогда слегка сгорбленным старцем, но широкоплечим и мускулистым. На его наполовину бритой голове выделялся большой лоб, на котором сильно выступали дуги бровей. Его тонкие губы, с опущенными глубокими углами, свидетельствовали о жестоком и властном характере. Его скулы сильно выдавались вперед, узкие глаза навывкат метали злые и неискренние взгляды.

Войдя, он бросил недобрый взор, сопровождаемый полуулыбкой, в сторону незанятого места принца Нагато. Но вот взвилась завеса и показался сегун, опиравшийся одной рукой на плечо советника. Правитель нахмурил брови.

Все присутствующие распростерлись, уткнувшись лбом в пол. Когда все поднялись, принц Нагато был на своем месте, как и все прочие.

Фидэ-йори сел и сделал знак Иэясу, что он может говорить.

Тогда правитель прочел несколько неважных донесений о назначении членов городской думы, о движении войск на границах, о перенесении резиденции губернатора, когда кончится срок его правления. Иэясу кратко и горячо излагал свои побудительные причины. Советники пробегали глазами рукописи и, не имея ничего возразить, жестом изъявляли свое согласие. Но

вскоре правитель свернул все эти бумаги и передал их секретарю, стоявшему рядом; потом, откашлявшись, он продолжал:

– Я созвал сегодня этот чрезвычайный совет, чтобы сообщить о моих опасениях насчет спокойствия государства. Я узнал, что строгий надзор, установленный над европейскими бонзами и японцами, которые приняли иностранную веру, заметно ослабел, и что они снова принялись за свои происки, опасные для общественного спокойствия. Поэтому я и явился сюда, чтобы просить ввести в силу закон об истреблении всех христиан.

По собранию пронесся странный ропот, в котором смешивались одобрение, удивление, крики ужаса и гнева.

– Так ты хочешь воскресить кровавые и мерзкие картины, о которых все вспоминают с ужасом? – вскричал принц Сатакэ с обычной живостью.

– Странно утверждать, что бедные люди, которые проповедуют только добродетель и согласие, могут нарушить покой страны, – сказал Нагато.

– Даймио говорит правильно, – сказал принц Сатсума. – Невозможно, чтобы европейские бонзы имели какое-нибудь влияние на спокойствие государства. Следовательно, их нечего трогать.

Но Иэясу обратился прямо к Фидэ-йори.

– Сегун! – сказал он. – Так как мое беспокойство не хотят разделить, то я должен сказать тебе, что среди благородных и народа ходят страшные слухи...

Он на минуту остановился, чтобы придать больше торжественности своим словам.

– Говорят, что тот, кто находится еще под моей опекой, будущий глава Японии, наш все милостивейший повелитель, Фидэ-йори, принял христианство.

Глубокое молчание наступило при этих словах. Присутствующие обменивались взглядами, которые ясно говорили, что они знали об этом слухе, не лишенном, может быть, основания.

Фидэ-йори заговорил.

– Разве невинным следует мстить за клевету, которую распространили злонамеренные люди? Я приказываю, чтобы христиан ни под каким видом не смели трогать. Мой отец, к сожалению, считал нужным преследовать своим гневом и истреблять этих несчастных, но я клянусь, что, пока я жив, ни одна капля их крови не будет пролита.

Иэясу был поражен решительным тоном молодого сегуна, который в первый раз говорил и приказывал как государь. Он поклонился в знак покорности и ничего не возразил. Фидэ-йори достиг совершеннолетия, и если он еще не был официально провозглашен сегуном, то потому только, что Иэясу не спешил сложить с себя власть. Последний не хотел вступать в открытую борьбу со своим питомцем. Он тотчас оставил этот вопрос и перешел к другим предметам.

– Мне донесли, – сказал он, – что в эту ночь, по дороге в Киото, один вельможа подвергся нападению и был ранен. Мне еще не известно имя этого вельможи. Принц Нагато, который был этой ночью в Киото, слышал что-нибудь об этом приключении?

– А! Тебе известно, что я был в Киото, – пробормотал принц. – Теперь я понимаю, почему на моем пути оказались убийцы.

– Как же Нагато мог быть одновременно и в Осаке, и в Киото? – спросил принц Сатакэ. – Сегодня утром только и говорят о празднике воды, который он давал этой ночью и который так весело кончился битвой вельмож с береговыми матросами.

– Я даже получил царапину в стычке, – сказал Нагато улыбаясь.

– Принц пробегает в несколько минут путь, на который другим понадобился бы час, – сказал Иэясу, – вот и все. Только он плохо бережет своих лошадей: каждый раз, когда он возвращается во дворец, животное падает и издыхает.

Принц Нагато побледнел и стал искать у пояса отсутствующую саблю.

– Я не думал, что твоя заботливость простирается даже на животных государства, – сказал он с оскорбительной иронией. – Благодарю тебя от имени моих покойных лошадей.

Сегун, полный беспокойства, бросал умоляющие взгляды на Нагато. Но казалось, на этот раз терпение правителя было неистощимо. Он улыбнулся и ничего не ответил.

Между тем, Фидэ-йори видел, как в груди его друга бушевал гнев, и, боясь новой вспышки, он положил конец заседанию, удалившись.

Почти сейчас же один из дворцовой стражи пришел уведомить принца Нагато, что сегун зовет его. Принц дружески раскланялся со многими вельможами и удалился, не повернув головы в сторону Иэясу. Когда принц вошел к сегуну, он услышал женский голос, раздраженный и в то же время жалобный. Речь шла о нем.

– Мне все известно, – говорил этот голос. – И твой отказ на предложение правителя, которого ты позволил на своих глазах оскорбить принцу Нагато с неслыханной дерзостью. И то удивительное терпение Иэясу, который не ударил обидчика из уважения к тебе и из жалости к тому, которого ты считаешь своим другом, по твоему неведению людей.

Нагато узнал в говорящей мать сегуна, прелестную и надменную Ёдо-гими¹³.

– Мать! – сказал сегун. – Занимайся вышиванием и нарядами: это дело женщин.

Нагато быстро вошел, чтобы не быть дольше нескромным.

Ёдо-гими обернулась и слегка покраснела, увидев принца, который низко кланялся ей.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал сегун.

– В таком случае я удаляюсь, – с горечью сказала Ёдо-гими, – и возвращаюсь к своим рукоделиям.

Она медленно прошла через комнату, шумя своими длинными шелковыми платьями, и вышла, бросив на Нагато странный взгляд: в нем смешивались вызов и ненависть.

– Ты слышал мою мать? – спросил Фидэ-йори.

– Да, – сказал Нагато.

– Вот, хотят отстранить тебя от меня, друг. Что за причина этому?

– Твоя мать ослеплена какой-нибудь клеветой, – сказал принц. – А другие видят во мне прозорливого врага, который умеет разрушать составленные против тебя заговоры.

– Я как раз хотел поговорить с тобой о заговоре.

– Против твоей жизни?

– Именно. Он стал известен мне странным образом, так что мне даже трудно поверить этому. Тем не менее я не могу отделаться от какого-то беспокойства. Завтра, на празднике духа моря, под моими ногами должен провалиться мост.

– Какой ужас! – вскричал Нагато. – Надеюсь, ты не пойдешь на этот праздник?

– Если я не пойду туда, – сказал Фидэ-йори, – то так и не узнаю истины, так как заговор не будет приведен в исполнение. Но если я пойду на праздник, – продолжал он с улыбкой, – и если действительно существует заговор, то правду придется почувствовать слишком тяжело.

– Конечно, – сказал Нагато, – тем не менее нужно рассеять сомнения, нужно как-нибудь изловчиться. Назначен ли маршрут, которому ты должен следовать?

– Иэясу вручил мне его.

Фидэ-йори взял с этажерки сверток бумаги. Они прочли: «Набережная Йодо-гавы, площадь Рыбного рынка, дорога сикомор¹⁴, взморье. Обратный путь через холм Бамбуков, мост Ласточек»...

– Негодяи! – вскричал Ивакура. – Это висячий мост через долину!

– Место, действительно, недурно выбрано, – сказал сегун.

¹³ Имеется в виду госпожа Ёдо (1569–1615) – японская аристократка. Суффикс, который правильнее произносить как «-химэ», означает «благородная дама» либо «принцесса».

¹⁴ Сикомора – большое раскидистое лиственное дерево с толстым узловатым стволом.

– Без сомнения, речь идет об этом мосте. Те мосты, что перекинуты через многочисленные каналы города, не грозили бы тебе смертью, обрушившись под твоими ногами. Самое большое – они доставили бы тебе неприятную ванну.

– Это правда, – сказал Фидэ-йори, – а с моста Ласточек все полетели бы на скалы.

– Веришь ли ты вполне в мою дружбу к тебе? – спросил принц Нагато, подумав с минуту.

– Можешь ли ты сомневаться в этом, Ивакура? – спросил сегун.

– Ну, так не бойся ничего! Притворись, что ничего не знаешь, дай себя повести, и иди прямо на мост. Я нашел средство спасти тебя, открыв в то же время истину.

– Я вполне полагаюсь на тебя, друг мой.

– В таком случае, отпусти меня. Я должен торопиться, чтобы привести в исполнение мой план.

– Иди, принц, я, не колеблясь, вверяю тебе мою жизнь, – сказал сегун.

Нагато быстро вышел, поклонившись своему господину, который ответил ему дружелюбным жестом.

Глава III

Праздник духа моря

На другой день с рассвета улицы Осаки были полны движения и веселья. Готовились к празднику, заранее радуясь предстоящим удовольствиям. Торговые дома, мастерские, жилища простонародья были широко раскрыты на улицу, позволяя видеть незатейливое внутреннее убранство, которое состояло из нескольких ярких ширм.

Слышались голоса, крики. Иногда своенравный ребенок вырывался из рук матери, которая одевала его в лучшие одежды, и начинал прыгать и скакать от радости по деревянным ступенькам дома, которые вели на улицу. Тогда изнутри слышался притворно раздраженный голос отца, и ребенок снова попадал в руки матери, дрожа от нетерпения.

Иногда кто-нибудь из них кричал:

– Мама! Мама! Вот шествие!

– Ты шутишь, – говорила мать, – священники еще и одеваться не кончили.

Но тем не менее она шла к переднему фасаду и свешивалась через легкие перила, чтобы посмотреть на улицу.

Нагие курьеры, только с лоскутком материи вокруг бедер, бежали со всех ног, держа на плечах стебель бамбука, верхушка которого сгибалась под тяжестью пачки писем. Они спешили к дворцу сегуна.

Перед лавочками цирюльников толпился народ. Мальчики не успевали брить все подбородки, причесывать все головы. Ожидающие очереди весело болтали между собой у входа.

Некоторые из них были уже в праздничных одеждах ярких цветов, покрытых шитьем. Другие, более аккуратные, были обнажены до пояса и предпочитали окончить свой туалет после того, как их причешут. Продавцы овощей и рыбы сновали взад и вперед и расхваливали громкими криками свой товар, который они несли на плечах в двух лоханках, висевших на деревянном коромысле.

Повсюду украшали дома флагами и вышитыми материями, покрытыми золотыми китайскими надписями на черном или красном фоне; прикрепляли фонарики, цветущие ветви.

По мере того как день продвигался вперед, улицы все больше и больше наполнялись веселым шумом. Носильщики норимоно, одетые в легкие рубашки, подпоясанные у талии, в широких шляпах, похожих на щиты, кричали, чтобы очистили дорогу. Проезжали верхом самураи, впереди которых бежали гонцы, опустив голову и вытянув руки, чтобы разгонять толпу. Под широкими зонтиками останавливались кучки народа, чтобы поболтать, и казались неподвижными островками среди шумной толпы гуляющих. Тут же спешил доктор, важно обмахиваясь веером, в сопровождении двух помощников, которые несли ящик с лекарствами.

– Знаменитый муж, разве вы не пойдете на праздник? – кричали ему по пути.

– Больным нет дела до праздников, – отвечал он со вздохом. – А так как их нет для них, то нет и для нас.

На берегах реки Йодо-гавы оживление было еще больше. Река буквально исчезла под тысячами лодок. Мачты стояли, но паруса были еще не спущены, готовые, впрочем, развернуться, как крылья. Шелковые и атласные навесы и развевавшиеся на носу флаги, золотая бахрома которых окуналась в воду, блестели на солнце, отчего лазурь реки покрылась радужной зыбью.

Толпы молодых нарядных женщин спускались по белым ступеням в виде лестницы в крутом высоком берегу. Они направлялись к изящным лодкам из камфорного дерева, со скульптурными и медными украшениями, и наполняли их цветами, которые распространяли в воздух жгучий запах.

С высоты Кьобаси, этого прекрасного моста, который походил на натянутый лук, спускались куски прозрачной ткани, крепа или легкого шелка самых ярких цветов, покрытые надписями. Легкий морской ветерок нежно волновал эти прекрасные материи, которые раздвигались, чтобы пропустить сновавшие назад и вперед лодки. Издали блестела высокая башня дворца и две чудовищные золотые рыбы, которые украшали ее верхушку. При входе в город, по правую и левую сторону реки, тянулись два великолепных бастиона, ведущие к морю. На каждой башне и на каждом углу стен развевались национальные флаги, белые с красным кружком посередине, – эмблемой восходящего в утреннем тумане солнца. Несколько пагод возвышалось над деревьями, простирая к сияющему небу свои многоэтажные крыши с поднятыми по китайской моде краями.

В этот день, главным образом, внимание привлекала пагода Эбису, духа моря¹⁵: не то чтобы ее башни были выше других или ее священные двери многочисленнее, чем у соседних храмов, но из ее садов должно было выйти священное шествие, которого народ ждал с нетерпением.

Наконец вдали забил барабан. Все стали прислушиваться к хорошо знакомому священному бою несколько сильных, редких ударов. Потом – быстрый раскат, замиравший и терявшийся вдали, и снова громкие удары.

Могучий, радостный крик раздался из толпы, которая сейчас же выстроилась вдоль домов, по обе стороны улицы, по которым должно было пройти шествие.

*Кашира*¹⁶, квартальные, быстро протянули веревки и прикрепили их к кольям, чтобы народ не выступал на середину дороги. Шествие тронулось. Оно действительно прошло через священный портик, который возвышался перед пагодой Эбису, и вскоре потянулось перед нетерпеливой толпой.

Впереди шли гуськом шестнадцать стрелков, в два ряда. На них были надеты доспехи из черной роговой чешуи, скрепленные красной шерстью. За поясом у них были заткнуты две сабли; за плечами торчали перья стрел, а в руках они держали большой черный лакированный лук с позолотой.

За ними шел отряд слуг, с длинными древками, на концах которых были прикреплены пучки шелка. Потом появились татарские музыканты, которые возвестили о себе веселой трескотней. Время от времени раздавались металлические звуки гонга, неистовый барабанный бой, звон кимвалов, торжественные звуки, издаваемые створками морских раковин, пронзительный свист флейты и раздражающие звуки труб. Все это производило такой шум, что ближайшие зрители моргали глазами и были как бы ошеломлены.

Вслед за музыкантами, на высокой площадке несли великана лангуста¹⁷, на котором сидел бонза. Вокруг огромного рака развевались флаги всех цветов, длинные и узкие, с гербами города; их несли мальчики. Потом шли пятьдесят копьеносцев в круглых лакированных шапках. Они несли на плече копье, украшенное красной шишкой. За ними двое слуг вели лошадь, покрытую великолепной попоной, с выпущенной поверх заплетенной гривой наподобие богатого галуна. За этим конем двигались знаменосцы; знамена были голубые с золотыми письменами. Потом следовали два огромных тигра из Кореи, с открытой пастью и налитыми кровью глазами. В толпе раздались испуганные крики детей, но тигры были сделаны из картона и двигались благодаря людям, спрятанным в их лапах. За ними двое бонз несли огромный барабан в виде цилиндра; третий шел сбоку и часто бил по барабану сжатыми кулаками.

¹⁵ Эбису – один из семи богов удачи в синтоизме, бог рыбалки, океана и труда, а также хранитель здоровья всех маленьких детей.

¹⁶ Кашира – навершие рукоятки японского меча.

¹⁷ Лангуст – морское ракообразное, похожее на омара, но без клешней.

Вот, наконец, показались семь молодых, великолепно одетых женщин, веселый гул сопровождал их. Это – самые красивые и известные в городе куртизанки. Они выступали рядом, величаво, преисполненные гордости, в сопровождении прислужницы и слуги, которые держали над ними широкий шелковый зонтик. Народ, хорошо знавший их, указывал на них, когда они проходили мимо, называя их по именам или прозвищам.

– Вот женщина с серебряными чирками¹⁸!

Две такие птички были вышиты на широких рукавах просторного пальто красоти, надтого сверх многочисленных платьев, воротники которых скрещивались не ее груди один над другим. Это пальто было из зеленого атласа, вышитого белым шелком с серебром. Прическа женщины была вся усеяна огромными черепаховыми булавками, которые образовали вокруг ее лица настоящий полукруг.

– А это – женщина с морскими водорослями!

Эта прекрасная трава своими шелковыми корнями вплеталась в вышитые узоры пальто и висела наружу, разлетаясь по ветру.

Затем шла красавица с золотыми дельфинами, красавица с миндальными цветами, красавицы с лебедями, павлинами, голубыми обезьянами. К их голым ногам были привязаны высокие подошвы из черного дерева, что увеличивало их рост. Головы их были усеяны блестящими булавками, и искусно нарумяненные лица казались молодыми и прелестными в мягкой полутени зонтика.

За куртизанками шли мужчины с ивовыми ветвями. Потом целая толпа священников несла на носилках или в красивых палатках с позолоченными крышами церковную утварь, украшения и обстановку, которая проветривалась во время шествия.

Наконец показалась рака Эбису, бога моря, неутомимого рыболова, который по целым дням стоит, окутанный сетями, с удочкой в руках, на скале, выступающей из моря. Ее несли двадцать бонз, обнаженных до талии, и она казалась квадратным домиком. Ее крыша, с четырьмя срезанными скатами, была покрыта серебром и лазурью, с жемчужной бахромой, и увенчана огромной птицей с распущенными крыльями.

Бог Эбису был невидим внутри своей раки, наглухо закрытой.

На носилках несли великолепную рыбу, посвященную Эбису, *акамэ*, или *красную женщину*, которая составляла лакомое блюдо всех гурманов. Тридцать всадников, вооруженных пиками, замыкали шествие.

Шествие проследовало через город в сопровождении всей толпы, которая двигалась за ними, достигло предместий и после довольно долгого перехода вышло на морской берег. Вместе с ней у устьев Йодо-гавы появилось множество лодок, которые река тихо несла в море. Распустились паруса, весла всплеснули по воде, флаги развевались по ветру, а поднятые голубые волны блестели на солнце тысячами огней.

Фидэ-йори также прибыл на морской берег по дороге вдоль реки. Он остановил лошадь и стоял неподвижно среди своей немногочисленной свиты, так как не хотел затмевать религиозную процессию своей роскошью.

Иэясу, по его приказанию, несли в норимоно, так же как мать и супругу сегуна. Он скался больным.

Пятьдесят солдат, несколько знаменосцев и два гонца составляли всю свиту.

С появлением молодого сегуна внимание толпы разделилось; уже не одно шествие Эбису привлекало взгляды. По головному убору в виде золотой продолговатой шапочки Фидэ-йори можно было узнать издали.

Вскоре священное шествие медленно прошло перед сегуном. Затем бонзы, которые несли раку, выступили из ряда и подошли совсем близко к морю.

¹⁸ Чирки – общее название небольших водоплавающих птиц из рода речных уток.

Тогда вдруг прибежали с берега рыбаки, лодочники, и с криком, прыгая и скача, набросились на несших Эбису. Они затеяли примерную битву, испуская все более и более пронзительные крики. Священники притворно сопротивлялись, но вскоре рака перешла с их плеч на плечи могучих матросов. Тогда последние, с радостным воем, вошли в море и долго прогуливались по прозрачным водам своего любимого бога, под веселые звуки оркестра, который разместился на джонках, бороздивших море. Наконец матросы возвратились на берег, среди радостных криков толпы, которая вскоре рассеялась, чтобы поскорей вернуться в город, где ее ожидали другие развлечения – зрелища на открытом воздухе, торговля всякой всячиной, театральные представления, пиры и возлияния сакэ.

Фидэ-йори, в свою очередь, покинул берег с двумя скороходами впереди и со своей свитой. Они вошли в маленькую, свежую, прелестную долину и направились по отлогому склону к вершине холма. Эта дорога была совсем пустынна, так как еще накануне народу запретили ходить по ней.

Фидэ-йори думал о заговоре, о мосте, который должен быть разрушиться и низвергнуть его в пропасть. Сегун всю ночь с тоской размышлял об этом, но под солнцем, которое так открыто блестело среди этой мирной природы, он не мог больше верить в человеческую злость. Тем не менее, путь для возвращения был выбран странный. «Эту дорогу избрали, чтобы избежать толпы», сказал Иэясу; но народу можно было запретить идти и по другой дороге, и не пришлось бы делать этого странного обхода, чтобы вернуться во дворец.

Фидэ-йори искал глазами Нагато, но его нигде не было видно. С утра он уже двадцать раз спрашивал о нем. Принца нигде не могли найти.

Тяжелая тоска охватила молодого сегуна. Вдруг он задал себе вопрос: почему его свита так малочисленна и почему впереди только два скорохода? Он оглянулся, и ему показалось, что носильщики норимоно замедляют шаг.

Взошли на вершину холма, и вскоре в конце дороги показался мост Ласточки. Видя его, Фидэ-йори невольно удержал свою лошадь; сердце его сильно билось. Этот хрупкий мост был смело перекинут с одного холма на другой над очень глубокой долиной. Река, быстрая, как поток, прыгала по скалам с глухим, непрерывным шумом. Тем не менее мост, казалось, как всегда, твердо опирается на плоские скалы, вздымавшиеся под ним.

Скороходы двигались вперед твердым шагом. Если и существовал заговор, то они о нем не знали. Молодой сегун не смел остановиться. Ему все еще чудились слова Нагато: «Иди смело к мосту».

Но умоляющий голос Омита тоже звучал в его ушах, и он вспоминал о данной им клятве. Больше всего его ужасало молчание Нагато. Сколько препятствий мог встретить план принца! Может быть, окруженный привычными шпионами, которые следили за его малейшим движением, он был похищен и лишен возможности поддерживать связь с сегуном? Все эти мысли толпились в голове Фидэ-йори; последнее предположение заставило его побледнеть. Потом, в силу какой-то причудливости мысли, которая встречается часто в крайнем положении, он вдруг вспомнил одну песенку, которую пел, будучи ребенком, чтобы освоиться с главными звуками японского языка. Он машинально проговорил ее:

– Цвет, запах исчезают... Что в этом свете постоянно? Прошедший день потонул в бездне ничтожества. Это был как бы отблеск сна... Его отсутствие не вызвало ни малейшего смущения.

«Вот чему я учился, когда был ребенком, – говорил себе сегун, – а сегодня я отступаю и колеблюсь перед возможной смертью».

Пристыженный своей слабостью, он отпустил повод.

Но в эту минуту по другую сторону моста послышался страшный шум, показались бешеные лошади, с растрепанными гривами, налитыми кровью глазами и, круто повернув, понес-

лись с тележкой, наполненной древесными стволами. Они бросились на мост и их копыта неистово зазвенели, с удвоенным шумом, по деревянной настилке.

Вся свита Фидэ-йори, при виде летевших на нее лошадей, закричала от ужаса. Носильщики покинули норимоно, из которых вышли испуганные женщины и, подобрав свои пышные платья, бросились бежать со всех ног. Скороходы, которые уже вступали на мост, отскочили, и Фидэ-йори инстинктивно бросился в сторону. Но вдруг, подобно тому как лопается слишком туго натянутая веревка, мост провалился со страшным треском. Сначала он сломался посредине, потом и оба обломка разрушились, так что со всех сторон посыпался целый дождь щепок. Лошади и повозка полетели в реку. Одна лошадь в течение нескольких минут висела, зацепившись сбруей, и билась над пропастью; но ремни оборвались, и она тоже упала. Шумящая река понесла к морю лошадей, плывущие стволы деревьев и осколки моста.

– О Омити! – вскричал сегун, неподвижный от ужаса. – Ты не обманула меня. Так вот какая участь ожидала меня! Если б не твоя преданность, нежная девушка, мое разбитое тело прыгало бы со скалы на скалу.

– Ну, господин, теперь ты знаешь, что тебе хотелось узнать? – раздался вдруг голос подле сегуна.

Последний обернулся: он был один, все слуги покинули его. Но из долины показалась голова. Сегун узнал в ней Нагато, который быстро карабкался по крутым склонам и вскоре очутился подле него.

– Ах, друг мой! Брат мой! – воскликнул Фидэ-йори, который не мог удержаться от слез. – Как я мог внушить столько ненависти! Кто этот несчастный, которого угнетает моя жизнь и который хочет сжить меня со света?

– Ты хочешь знать, кто этот злодей, ты хочешь знать имя виновного? – спросил Нагато, нахмутив брови.

– Ты знаешь, друг? Скажи мне!

– Иэясу!

Глава IV

Сестра Солнца

Стояло самое жаркое время дня. Все комнаты дворца в Киото были погружены в прохладный мрак благодаря спущенным шторам и поставленным перед окнами ширмам.

Киото – столица, священный город, местопребывание изгнанного на землю бога, прямого потомка небесных основателей Японии, самодержавного властелина, главы всех религий, господствующих в Стране восходящего солнца, – одним словом, микадо. Сегун только первый среди подданных микадо; но микадо, подавленный собственным величием, ослепленный сверхчеловеческим блеском, предоставлял заботы о земных делах сегуну, который царствовал вместо него, тогда как микадо одиноко погрузился в созерцание собственной божественности.

Среди парков дворца, в одном из павильонов, предназначенных для придворных вельмож, на полу, покрытом тонкими циновками, лежала женщина. Она приподнялась на локте и запустила маленькие пальцы в черные пряди своих волос. Недалеко от нее сидела на корточках ее наперсница и играла с хорошенькой собачкой редкой породы, которая походила на два спутанных пучка черного и белого шелка. На полу, на котором не стояло никакой мебели, лежали: кото, музыкальный инструмент с тринадцатью струнами, чернильница, сверток бумаги, веер и ящичек, полный сластей. Стены были украшены резьбой из кедрового дерева или покрыты блестящими рисунками, с золотом и серебром. Сквозь наполовину раздвинутые перегородки открывался вид на целый ряд комнат.

– Госпожа, ты печальна, – сказала наперсница. – Хочешь, я заставлю звенеть струны кото и спою тебе песенку, чтобы развлечь тебя?

Госпожа покачала головой.

– Как?! – продолжала подруга. – Фаткура не любит больше музыки? Разве она забыла, что она ей обязана тем, что видит свет? Когда богиня Солнца, разгневавшись на богов, удалилась в пещеру, только божественная музыка, которую она услышала в первый раз, вернула ее снова на небо.

Фаткура вздохнула и ничего не ответила.

– Хочешь, я тебе натру чернил? Вот уже сколько времени, как твоя бумага так же бела, как снег горы Фузии¹⁹. Если у тебя есть горе, излей его в стихах, и ты освободишься от него.

– Нет, Тика, от любви не освободишься! Это жгучая болезнь, которая терзает день и ночь и никогда не дремлет.

– Может быть, несчастная любовь, но ты любима, госпожа! – сказала Тика, подходя.

– Не знаю, какая змея, скрытая в глубине моего сердца, говорит мне, что я нелюбима.

– Как?! – сказала удивленная Тика. – Разве он не выказал своей глубокой страсти тысячью безумств? Разве он не приходил еще на этих днях, чтобы увидеть тебя на минуту, рискуя жизнью, так как государыня Кисаки могла обрушить на него свой смертоносный гнев?

– Да, и он скрылся, не обменявшись со мной ни одним словом... Тика! – прибавила Фаткура, нервно схватив за руки молодую девушку. – Он даже не посмотрел на меня.

– Это невозможно! – вскричала Тика. – Разве он не говорил, что любит тебя?

– Он мне сказал, и я поверила ему, так мне хотелось верить... Но теперь я больше не верю.

– Почему?

– Потому что если бы он любил меня, то давно женился бы на мне и увез бы в свои владения.

¹⁹ Горы Фудзи, то есть Фудзиямы.

– Но его любовь к сегуну удерживает его при дворе Осаки!

– Он именно это и говорит. Но разве это голос любви? Чем бы я ни пожертвовала ради него!.. Увы! Я жажду видеть его! Его горделивое и в то же время кроткое лицо стоит передо мной. Я хочу впиться в него глазами, но оно ускользает. Ах! Только несколько счастливых месяцев провести бы подле него – и потом я умерла бы, заснув с моей любовью, и прошедшее счастье было бы для меня саваном.

Фаткура разразилась рыданиями и закрыла лицо руками. Тика пробовала успокоить ее: обняла и говорила ей тысячу нежных слов, но не могла утешить.

Вдруг в глубине комнаты послышался шум. Маленькая собака начала визгливо лаять.

Тика быстро встала и бросилась вон из комнаты, чтобы помешать слугам войти и увидеть волнение своей госпожи. Вскоре она вернулась вся сияющая.

– Это он! Это он! – вскричала она. – Он там, пришел навестить тебя.

– Не говори глупостей, Тика! – сказала Фаткура, вставая.

– Вот его визитная карточка.

И она протянула бумагу Фаткуре, которая одним взглядом прочла: «Ивакура Терумото-мори, принц Нагато, просит чести быть допущенным в твое присутствие».

– Мое зеркало! – вскричала она вне себя. – Я в ужасном виде, глаза опухли, волосы в беспорядке, в простом платье, без шитья. Увы! Вместо того чтобы жаловаться, я должна была предвидеть его приход и с восходом солнца заняться туалетом!

Тика принесла зеркало из полированного металла, круглое, как полная луна, и ящик с косметикой и духами.

Фаткура взяла кисточку и подвела глаза, но рука ее дрожала: она слишком нажала, потом, чтобы поправить беду, только хуже запачкала всю щеку черным. Тогда она гневно сжала руки и заскрежетала зубами. Тика пришла ей на помощь и уничтожила следы неловкости. Она наложила на нижнюю губу немного зеленой краски, которая при соприкосновении с кожей становится розовой. Вместо тщательно выдернутых бровей она навела две широкие черные полосы высоко на лбу, чтобы удлинить овал лица; скулы она посыпала розовой пудрой, потом быстро убрала все принадлежности туалета и накинула на плечи своей госпожи великолепное кимоно. Затем наперсница выбежала из комнаты.

Трепетная Фаткура стояла подле брошенного на пол кота, поддерживая одной рукой одежду, отягченную украшениями, и с жадностью устремила взор к входу в комнату.

Наконец появился Нагато. Он приблизился, опираясь рукой на золотую рукоять одной из двух сабель, и, поклонившись с благородной грацией, сказал:

– Прости меня, прекрасная Фаткура, что я пришел сюда, как гроза, что появляется на небе без облаков-предвестников.

– Ты для меня – восходящее над морем солнце, – сказала Фаткура, – и всегда желанный гость. Вот как раз здесь я плакала из-за тебя. Посмотри, глаза мои еще красны.

– Твои глаза подобны вечерней и утренней звезде, – сказал принц. – Но зачем лучи их купаются в слезах? Разве я причинил тебе какое-нибудь горе?

– Ты здесь, и я забыла причину моего горя, – сказала Фаткура, смеясь. – Может быть, я плакала потому, что ты был далеко от меня.

– Отчего я не могу быть всегда здесь?! – вскричал Нагато так искренно, что молодая женщина почувствовала, как исчезли опасения, и луч счастья озарил ее лицо. Но все-таки, может быть, она ошибалась в толковании слов принца.

– Приди ко мне, – сказала она, – отдохни на этих циновках. Тика подаст нам чаю и лакомств.

– Не могу ли я прежде доставить государыне Кисаки тайную просьбу чрезвычайной важности? – спросил Нагато. – Я воспользовался предложением доставить это драгоценное послание, чтобы удалиться из Осаки, – прибавил он, видя, как омрачился лоб Фаткуры.

– Я нахожусь в немилости у повелительницы с твоего последнего появления: я не смею приблизиться к ней или послать к ее дворцу кого-либо из моих слуг.

– Тем не менее это послание должно попасть в ее руки, и в самом скором времени, – сказал Нагато, незаметно хмуря брови.

– Что же делать? – сказала Фаткура, от которой не ускользнул этот легкий знак недовольства. – Хочешь отправиться со мной к одному моему знатному другу, – благородной Иза-Фару-но-Ками? Она в данное время в милости: может быть, она поможет нам.

– Идем к ней немедленно, – сказал принц.

– Пойдем, – сказала Фаткура со вздохом.

Молодая женщина позвала Тику, которая находилась в соседней комнате, и сделала ей знак раздвинуть одну перегородку, которая выходила на наружную галерею, окружавшую павильон.

– Ты выходишь, госпожа? – спросила Тика. – Не нужно ли предупредить твою свиту?

– Мы отправляемся тайком, Тика, чтобы прогуляться во фруктовом саду. На самом же деле, – сказала она, приложив палец к губам, – мы идем к благородной Иза-Фару.

Тика кивнула в знак того, что поняла.

Фаткура храбро ступила на галерею, но, вскрикнув, быстро отскочила назад.

– Это просто пекло! – сказала она.

Нагато поднял с пола веер.

– Смелей, – сказал он. – Я буду обмахивать твое лицо.

Тика открыла над головой своей госпожи широкий веер, а Нагато стал махать им. Они пустились в путь. Сначала следовали под тенью крыши. Фаткура шла впереди; время от времени она прикасалась кончиками пальцев к перилам резного кедра и вскрикивала от их горячего прикосновения. Хорошенькая собачка с шелковистой шерстью, считавшая своим долгом присоединиться к гуляющим, плелась на расстоянии, ворча, без сомнения, на безрассудство прогулки в подобный час.

Они завернули за угол дома и очутились со стороны фасада, на площадке широкой лестницы, которая вела в сад; перила ее были украшены медными шарами. Лестница эта разделялась на две части третьими перилами посередине.

Несмотря на невыносимую жару и яркий свет, от которого ослепительно блестела земля, Фаткура и принц Нагато делали вид, будто прогуливаются исключительно с целью сорвать несколько цветков и полюбоваться прелестными видами, которые открывались на каждом шагу. Несмотря на то что сад казался пустынным, они знали, что глаз шпиона не дремлет. Они поспешили в тенистую аллею, вскоре дошли до группы роскошных павильонов, разбросанных среди сада и соединенных между собой крытыми галереями.

– Здесь! – сказала Фаткура, и, не обращая в сторону зданий, на которые указывала, склонилась над маленьким прудом, наполненным такой прозрачной водой, что ее почти не было видно.

– Посмотри на эту красивую рыбку, – сказала она, с намерением возвысив голос. – Она как будто выточена из куска янтаря, а эта походит на рубин, покрытый золотым песком; можно подумать, что она висит в воздухе – так прозрачна вода. Посмотри, ее плавники будто из черного газа, а глаза подобны огненным шарам. Без сомнения, во всем дворце только Иза-Фару обладает такими прекрасными рыбами.

– Как?! Фаткура! – раздался женский голос из одного павильона. – Ты вышла в такой час? Разве потому, что ты вдова, ты так мало заботишься о цвете своего лица и позволяешь солнцу портить его?

Штора наполовину поднялась, и Иза-Фару высунула свою красивую головку, всю утыканную железными шпильками.

– А! – сказала принцесса. – Принц Нагато! Вы ведь не пройдете мимо моего дома? Сделаете мне честь своим посещением?

– Мы зайдем с удовольствием: я очень благодарна случаю, который привел нас сюда, – отвечала Фаткура.

Они поднялись по лестнице павильона и пошли среди цветов, которыми была переполнена галерея.

Иза-Фару шла впереди.

– Что ты хочешь мне сказать? – спросила она вполголоса свою подругу, грациозно кланяясь принцу.

– Ты мне нужна, – сказала Фаткура. – Ты знаешь, что я в немилости.

– Знаю. Так я должна вымолить тебе помилование! Но разве я могу уверить государыню, что ты снова не провинишься в том, чем так прогневала ее? – спросила Иза-Фару, лукаво взглянув на Нагато.

– Я один виноват, – сказал принц, улыбаясь. – Фаткура не может отвечать за поступки таких безумцев, как я.

– Принц! Я думаю, она гордится тем, что служит причиной, как ты говоришь, безумств, и многие женщины завидуют ей.

– Не смейтесь надо мной, – сказал Нагато. – Я довольно наказан тем, что навлек на благородную Фаткуру гнев государыни.

– Но дело не в том! – вскричала Фаткура. – У принца Нагато есть важное послание, которое он хотел бы тайным образом доставить Кисаки. Сначала он обратился ко мне, но так как я в данную минуту не могу приблизиться к государыне, то и подумала о твоей благосклонной дружбе.

– Доверь мне это послание, – сказала Иза-Фару, обращаясь к принцу. – Через несколько минут оно будет в руках нашей знаменитой повелительницы.

– Не знаю, как благодарить вас, – сказал Нагато, доставая спрятанный на груди белый шелковый конверт, в котором заключалось послание.

– Подождите меня здесь, я скоро возвращусь.

Иза-Фару взяла письмо и ввела своих гостей в прохладную, темную комнату, где и оставила их одних.

– Эти павильоны сообщаются с дворцом Кисаки, – сказала Фаткура. – Мой благородный друг может пройти к государыне незамеченным. Да смилятся боги, чтобы посланница принесла благоприятный ответ и чтобы я не видела тучи, которая омрачает твое чело.

Принц действительно казался сосредоточенным и озабоченным и кусал кончик веера, ходя взад и вперед по комнате. Фаткура следила за ним глазами, и сердце ее невольно сжималось. Она снова почувствовала страшную тоску, которая вызвала у нее слезы несколько минут тому назад и которую присутствие возлюбленного быстро успокоило.

– Он не любит меня, – с отчаяньем шептала она. – Когда он смотрит на меня, ледящее, почти ненавистное выражение его глаз пугает меня.

Нагато словно забыл о присутствии молодой женщины; он облокотился на наполовину раздвинутую перегородку и, казалось, наслаждался сладкой и в то же время жгучей мечтой.

Шуршание платья по циновкам, которыми был устлан пол, вывело его из задумчивости. Иза-Фару возвращалась; она, казалось, торопилась и скоро появилась из-за угла галереи; за ней следовали два мальчика в великолепных одеждах.

– Вот что сказала божественная Кисаки, – обратилась она к Нагато, подойдя к нему ближе. – «Пусть проситель сам придет просить о том, чего он хочет».

При этих словах Нагато так побледнел, что Иза-Фару испугалась, думая, что он лишится чувств, и бросилась к нему, чтобы поддержать его.

– Принц, – вскричала она, – приди в себя! Такая милость, действительно, способна сильно взволновать, но разве ты не привык к всевозможным почестям?

– Это невозможно, – пробормотал Нагато, едва внятным голосом. – Я не могу предстать перед ее очами.

– Как?! – сказала Иза-Фару. – Так ты хочешь ослушаться ее приказания?

– Я не в придворном платье, – сказал принц.

– Она избавляет тебя на этот раз от церемониала: прием тайный. Не заставляй ее больше ждать.

– Идем, веди меня! – вскричал вдруг Нагато, который, казалось, пересилил свое волнение.

– Эти два пажа проведут тебя, – сказала Иза-Фару.

Нагато быстро удалился вслед за двумя слугами Кисаки, но мог еще слышать сдержанный крик, сорвавшийся с губ Фаткуры.

Пройдя по галереям и залам дворца, которых он не заметил, Нагато очутился перед большой белой атласной завесой с золотым шитьем, широкие складки которой то блестели серебром при ярком свете, то отливали свинцом в полумраке и густо ложились на пол.

Пажи раздвинули эту завесу, принц прошел – и трепещущие волны атласа снова упали за ним.

Стены комнаты, куда он вошел, тускло блестели в полумраке, отбрасывая золотистый, сероватый и красный отблеск; в воздухе чувствовался тонкий аромат. В глубине комнаты, под драпировкой, подобранной золотыми шнурами, сидела лучезарная царица среди шелковистых волн своих красных одежд; на лбу ее красовались три золотые пластинки – знак всемогущества. Принц окинул ее невольным взглядом, потом, опустив глаза, как будто посмотрел на полуденное солнце, он дошел до середины комнаты и упал на колени, затем медленно склонил голову до земли.

– Ивакура! – сказала Кисаки после долгого молчания. – То, о чем ты просишь меня, очень важно: я хочу услышать из твоих уст некоторые объяснения, прежде чем передать твое прошение великому владыке, сыну богов, моему супругу.

Принц поднялся наполовину и попытался заговорить, но это ему не удалось; ему казалось, что грудь его разорвется, – так сильно билось его сердце. Слова замерли на его губах, и он стоял с опущенными глазами, бледный, как мертвец.

– Разве ты думаешь, что я рассердилась на тебя, что так сильно испугался?.. – спросила царица, несколько минут с удивлением смотревшая на принца. – Я могу простить тебя, так как твое преступление, в сущности, не важно. Ты любишь одну из моих придворных, вот и все.

– Нет, я не люблю ее! – вскричал Нагато, который, как бы потеряв рассудок, поднял глаза на государыню.

– Что мне за дело, – коротко сказала Кисаки.

С минуту они смотрели друг на друга, но Нагато закрыл свои виноватые глаза и, дрожа за свою дерзость, ждал наказания.

Но после некоторого молчания Кисаки продолжала спокойным голосом:

– Твое письмо открывает мне ужасную тайну, и если то, что ты подозреваешь, – правда, спокойствие государства может быть сильно поколеблено.

– Поэтому-то, божественная сестра Солнца, я и дерзнул просить твоего всемогущего заступничества, – сказал принц с невольной дрожью в голосе. – Если ты снизойдешь на мою просьбу, если исполнится то, о чем я прошу, большие несчастья будут предупреждены.

– Ты знаешь, Ивакура, божественный микадо благосклонен к Ияэсу. Захочет ли он поверить этому преступлению, в котором ты обвиняешь его любимца? Да и ты сам захочешь ли подтвердить всенародно это, пока тайное обвинение?

– Я подтвержу это в глаза самому Иэясу, – твердо сказал Нагато. – Он виновник ужасного заговора, который чуть было не стоил жизни моему молодому сегуну.

– Подобное подтверждение подвергнет твою жизнь опасности. Подумал ли ты об этом?

– Что моя жизнь! – сказал принц. – К тому же одной моей преданности Фидэ-йори достаточно, чтобы навлечь на меня ненависть правителя. Меня чуть не убили люди, посланные им несколько дней тому назад, когда я ехал из Киото.

– Как, принц?! Возможно ли это? – вскричала Кисаки.

– Я говорю об этом неважном случае, – продолжал Нагато, – только чтобы показать тебе, что преступление свойственно этому человеку и что он хочет отделаться от тех, кто мешает его честолюбивым замыслам.

– Но как же ты спасся от убийц? – спросила царица, которая, казалось, принимала живое участие в этом происшествии.

– Хорошо отточенное лезвие моей сабли и твердость руки спасли мою жизнь. Но возможно ли, чтобы ты останавливала свою божественную мысль на таком пустом случае?

– А много было убийц? – продолжала она с любопытством.

– Десять, может быть, двенадцать. Нескольких я убил, потом погнал свою лошадь и вскоре очутился на достаточном расстоянии от них.

– Как?! – сказала задумчиво Кисаки. – Этот человек, которому доверяет мой божественный супруг, так вероломен и жесток! Я разделяю твои опасения, Ивакура, и меня охватывает печальное предчувствие. Но смогу ли я убедить микадо, что твои предположения небезосновательны? По крайней мере, я попытаюсь, ради блага моего народа и спасения государства. Иди, принц, и будь сегодня на вечернем приеме; я переговорю с владыкой вселенной.

Принц распростерся на полу, затем поднялся и с опущенной головой удалился, пятясь задом. Он дошел до атласного занавеса. Еще раз он невольно взглянул на государыню, которая провожала его взором. Но завеса упала, и очаровательное видение скрылось.

Пажи отвели Ивакуру в один из дворцов, предназначенных для владетельных принцев, пребывающих в Киото. Радуюсь, что остался один, он растянулся на подушках и, еще очень взволнованный, погрузился в сладкую думу.

– Ах! – бормотал он. – Какая странная радость охватывает меня! Я опьянел. Может быть, потому, что я подышал воздухом, который окружал ее? Ах, ужасное безумие, безнадежное желание, которое доставляет мне такое сладкое страдание, насколько ты теперь усилишься после этого неожиданного свидания! Я бежал из Осаки без памяти, подобно водолазу, которому не хватает воздуха, чтобы созерцать дворцы, скрывающие ее от взоров, или чтобы увидеть издали, как она стоит, облокотившись на перила, или проходит в кругу своих женщин по аллее сада; и тогда я уносил с собой запас счастья. Но теперь я вдыхал ее аромат, ее голос ласкал мой слух, я слышал свое имя из ее уст. Сумею ли удовольствоваться тем, что раньше наполняло мою жизнь? Я пропал, моя жизнь разбита этой невозможной любовью, и тем не менее я счастлив. Сейчас я еще раз увижу ее. Пусть в стеснительной обстановке политической аудиенции, но буду в состоянии вволю налюбоваться красотой. Хватит ли у меня силы скрыть мое волнение и мою преступную любовь? Да, божественная царица, только перед тобой склоняется моя гордая душа, и мечта моя возносится к тебе, как туман к солнцу. Богиня, я обожаю тебя с ужасом и почтением, но увы! Я люблю тебя также с безумной нежностью, как будто бы ты была просто женщина!

Глава V

Небесные всадники

Наступила ночь. Приятная свежесть сменила дневной зной, и цветы в клумбах благоухали, омытые росой.

Галереи перед залами дворца, предназначенные для вечерних развлечений, были освещены и полны гостей, которые с наслаждением вдыхали вечерний воздух.

Принц Нагато вошел по почетной лестнице, по обеим сторонам которой стояла живая изгородь из красивых пажей; каждый из них держал в руках по золоченому стержню, на конце которого мерцал круглый фонарь.

Принц медленно пробирался через толпу по галереям. Кланяясь при встрече с придворными вельможами и приветствуя любезными фразами равных себе принцев, он дошел до тронной залы. Она блестела огнями тысячи фонариков и ламп. Веселый шум наполнял ее так же, как и соседние помещения, видневшиеся через широко раздвинутые перегородки.

Статс-дамы шептались между собой, и голоса их смешивались с легким шелестом платьев, когда они расправляли их широкие складки. Принцессы сидели группами, по правую и левую сторону трона. Каждая группа располагалась по порядку старшинства и имела свой особый цвет.

Женщины одной группы были в светло-голубых одеждах, расшитых серебром, другие – в зеленых, лиловых и палевых.

Посреди эстрады, устланной мягкими коврами, сияла Кисаки – среди волн атласа, прозрачной материи и парчи с серебристым отливом, из которых состояли ее пышные красные и белые платья, усеянные драгоценными камнями. Три отвесные пластинки, которые возвышались над венцом, украшавшим ее голову, казались тремя золотыми лучами.

Несколько принцесс поднялись по ступенькам трона и, опустившись на колени на самой высокой, весело разговаривали с государыней. Последняя несколько раз принималась смеяться, чем возмущала одного старого, молчаливого принца, верного хранителя правил этикета. Но царица была так молода, – ей было всего двадцать лет – что ей охотно прощали временное забвение тяжести венца. И ее смех вызывал кругом веселье, как утренние лучи солнца – пение птиц.

– Хвала верховным богам! – сказала вполголоса одна принцесса своим подругам. – Наконец-то исчезла озабоченность, которая печалила нашу царицу: сегодня она веселей, чем когда-либо.

– В каком она хорошем расположении духа! – сказала другая. – Вот и Фаткура снова вошла в ее милость. Она входит по ступенькам трона. Кисаки позвала ее.

Действительно, Фаткура стояла на последней ступеньке царской эстрады, но мрачное выражение ее лица, сосредоточенность ее блуждающего взгляда составляли резкую противоположность с радостным, светлым выражением лиц всех окружающих. Она поблагодарила Кисаки за возвращенные милости таким заунывным и расстроеным голосом, что молодая царица вздрогнула и подняла глаза на свою прежнюю любимицу.

– Ты больна? – спросила она, удивленная изменившимися чертами молодой женщины.

– Может быть, от радости, что ты простила меня, – пробормотала Фаткура.

– Если ты страдаешь, я увольняю тебя от празднеств.

– Благодарю, – сказала Фаткура, низко поклонившись.

Она удалилась и смешалась с толпой.

Вскоре раздались звуки скрытого оркестра, и представление началось.

На перегородке, против трона, взвился занавес и открылся прелестный вид.

В глубине возвышалась гора Фузии, и ее снежная вершина выступала над поясом облаков. У подножия горы расстиралось темно-синее море, с разбросанными кое-где белыми парусами. На первом плане между деревьями и цветущими кустарниками вилась дорожка.

Вот появился молодой человек; он идет, поникнув головой, и кажется усталым и печальным. Оркестр смолкает. Молодой человек возвышает голос. Он рассказывает о том, как его преследует несчастье; мать его умерла от горя, видя, как поля, возделанные ее мужем, все больше и больше пустеют; он проводил со слезами гроб матери, потом стал тяжело работать, чтобы поддержать своего старого отца. Но отец, в свою очередь, умер и оставил сына в такой нужде, что ему не на что было похоронить его. Тогда сын сам продался в рабство и ценою свободы получил возможность отдать последний долг отцу. Теперь он шел к своему хозяину, чтобы исполнить условия договора. Он уже собирался уйти, как на дороге появилась чрезвычайно красивая женщина. Молодой человек с восторгом смотрел на нее.

– Я хочу просить тебя об одной милости, – сказала женщина. – Я одна и покинута, возьми меня в жены, я буду тебе предана и верна.

– Увы! – сказал молодой человек. – У меня ничего нет, и я сам не принадлежу себе. Я продался одному господину, к которому и иду.

– Я умею ловко ткать шелковые материи, – сказала незнакомка. – Возьми меня к твоему господину, я сумею быть полезной.

– Соглашайся от всего сердца, – сказал молодой человек. – Но как же такая прекрасная женщина, как ты, может взять в мужья такого бедного человека, как я?

– Красота ничто перед душевными качествами, – сказала женщина.

В следующей части зрители видят обоих супругов за работой в садах их господина. Муж сажал цветы, женщина вышивала великолепную материю, сотканную ею. Господин прогуливался, наблюдая за рабами; он подошел к молодой женщине и посмотрел на ее работу.

– О! Роскошная материя, – вскричал он. – Она бесценна.

– Я хотела предложить ее тебе в обмен на нашу свободу.

Господин согласился на сделку и позволил им уйти.

Тогда муж бросился к ногам жены. Он горячо благодарил ее, что она освободила его таким образом от рабства. Но женщина преобразилась; она стала такой сияющей, что молодой человек, ослепленный, не мог больше смотреть на нее.

– Я небесная ткачиха, – сказала она. – Твое трудолюбие и сыновняя любовь тронули меня, и, видя тебя несчастным, я сошла с небес, чтобы помочь тебе. Все, что ты ни предпримешь с этих пор, удастся тебе, если ты никогда не сойдешь с пути добродетели.

Сказав это, божественная ткачиха поднялась на небо и заняла свое место в шелковичном коконе²⁰.

В это время оркестр заиграл танец. Занавес опустился, потом вскоре снова поднялся. Появился сад пагоды с его бамбуковыми рощицами, легкими строениями, с широкими крышами, которые поддерживал ряд разноцветных колонн. Тогда начались сцены пантомим, не имеющие между собой связи. Представлялись религиозные или воинственные легенды. Тут были сказочные герои, символические личности в древних костюмах; на одних были митры в форме яйца, на других туники с длинными разрезными рукавами, старинные каски без шишака, с золотыми украшениями, которые защищали затылок, или же фантастические шапки – широкие, высокие, в виде золотой пирамиды, украшенные бахромой и бубенчиками. У актеров были в руках ветки, сабли, зеркала и всевозможные символические предметы. Но часто их смысл был забыт и никто их не понимал. Их наружный вид сохранился в течение веков, но он представлял запертый ящик, от которого потерял ключ. Вот герой, который убил ужасного дракона, жившего в течение многих лет в самом дворце микадо. Вот Цангу, царственная вои-

²⁰ В созвездии Скорпиона.

тельница, которая завоевала Корею. Вот непобедимая Ятцизонэ с веером вместо щита. Вот знаменитый принц, который ослеп, оплакивая смерть своей возлюбленной. Все они проходили перед глазами в связи с главными событиями их жизни.

Потом сцена опустела, и после прелюдии, сыгранной оркестром, появились молодые очаровательные танцовщицы в ослепительных одеждах, с крылышками птиц или бабочек и длинными усиками на лбу, которые тихо дрожали над их золотым прозрачным венцом. Они исполнили медленный, плавный танец, полный гибких движений и покачиваний; окончив его, они стали по обе стороны сцены, чтобы пропустить комических танцоров с фальшивыми носами, в причудливых костюмах. Они закончили представление буйной пляской, с дракой и свалкой.

С тех пор как началось представление, принц Нагато стоял, прислонившись к стене, подле театра, наполовину скрытый складками драпировки; в то время как взгляды всех были устремлены на сцену, он безумно любовался улыбающейся и сияющей царицей.

Казалось, будто она почувствовала этот устремленный на нее пламенный и упорный взгляд, один раз она обернулась и остановила свой взгляд на принце.

Последний не опускал глаз, его околдовала всемогущая прелесть; этот взгляд, упавший на него, как луч солнца, жег его. Одно время он думал, что сходит с ума, ему показалось, что Кисаки незаметно улыбалась ему. Она тотчас же опустила глаза и стала внимательно рассматривать цветы, вышитые на ее рукаве, потом, подняв голову, казалось, внимательно следила за ходом представления.

Когда занавес опустился в последний раз, среди шумных разговоров, возобновившихся после долгого молчания, когда оживление сменило тишину, перед Нагато остановилась женщина.

– Я знаю твою тайну, принц, – сказала она ему шепотом, полным угрозы.

– Что ты хочешь сказать? – вскричал Нагато. – Я не понимаю тебя, Фаткура.

– Ты очень хорошо понимаешь, – возразила Фаткура, пристально глядя на него. – И тебе есть отчего бледнеть, потому что твоя жизнь в моих руках.

– Моя жизнь? – пробормотал принц. – Я благословлю того, кто отнимет ее у меня.

Молодая женщина удалилась, но в стороне царицы поднялось сильное движение: все придворные дамы встали, и среди присутствующих водворилась тишина.

Кисаки спускалась по ступенькам трона. Она медленно продвигалась по зале, увлекая за собой волны атласа.

Принцессы толпами, по чину, следовали за ней на расстоянии, останавливаясь, когда она останавливалась. Все присутствующие низко кланялись, когда она проходила; она говорила несколько слов какому-нибудь знатному даймио или какой-нибудь высокородной даме, потом продолжала шествие. Так дошла она до Нагато.

– Ивакура! – сказала она, доставая с груди запечатанное письмо, завернутое в кусочек зеленого атласа. – Передай от меня эту бумагу матери сегуна. – Потом она прибавила тихо: – Вот то, о чем ты просил. Микадо приказывает, чтобы ты воспользовался этим письмом только тогда, когда будешь уверен, что Иэясу хочет нарушить присягу.

– Твои приказания будут верно исполнены, – сказал Нагато, взяв письмо дрожащей рукой. – Я в эту же ночь возвращусь в Осаку.

– Счастливого пути! – сказала Кисаки необыкновенно нежным голосом.

Потом она пошла дальше. Еще с минуту принц слышал шуршание ее платья по коврам.

Час спустя Нагато покинул даири²¹ и отправился в путь. Проезжая через город, он должен был сдерживать свою лошадь, чтобы не раздавить веселую толпу, которая запрудила улицы. Со всех сторон сверкали огромные фонари, стеклянные, бумажные, шелковые, газовые. Их разноцветный свет бросал странный отблеск на лица гуляющих, которые, по мере того как

²¹ Даири – термин, обозначающий тот дворец, в котором в данный момент находится японский император.

продвигались, казались то розовыми, то голубыми, то лиловыми, то зелеными. Лошадь немного пугалась глухого шума, который царил в Киото.

Тут был и смех женщин, столпившихся перед кукольными театрами, и непрерывный грохот тамбурина, под который труппа клоунов проделывала необыкновенные штуки. Слышались крики спора, который переходил в драку, серебристый звон колокольчиков, которым оракул отвечал чародею, предсказывавшему судьбу внимательному кругу слушателей, и пронзительное пение священников Оджигонгамы²², которые исполняли священный танец в саду одной пагоды. Тут же раздавались голоса целой армии нищих. Одни из них ходили на ходулях, другие были наряжены в исторические костюмы или несли на голове вместо шляпы вазу, в которой распускался цветущий куст.

Там стояли монахи, собиратели подаяний, в красных одеждах, с наголо выбритыми головами; надув щеки, они извлекали из серебряных свистков пронзительные звуки, покрывавшие шум и раздражавшие уши. Здесь жрицы национальной религии проходили с песнями, размахивая белыми бумажными кропильницами, символом чистоты. Десяток молодых бонз играли на всевозможных инструментах, напрягая слух, чтобы услышать друг друга и не потерять такта исполняемой мелодии, вопреки всеобщему гаму. Немного дальше заклинатель черепах быстро бил в тамтам, а слепые, сидя у входа в храм, звонили в колокола, утыканые бронзовыми шишечками.

Время от времени придворные вельможи микадо рассекали толпу; они шли тайком в театр или чайные домики, которые были открыты всю ночь: там они, свободные от строгостей этикета, могли вволю пить и развлекаться.

Нагато также путешествовал тайком и один. Перед ним даже не бежал скороход, чтобы разгонять толпу. Тем не менее он выехал из города, никого не ранив. Тогда он отпустил поводья, и нетерпеливый конь поскакал галопом по великолепной аллее сикоморов, с пагодами, храмами, часовнями, которые мелькали перед принцем по правую и левую сторону, из которых доносились обрывки молитв и священного пения. Один раз Ивакура обернулся и долго смотрел назад. Он заметил между ветвей могилу Тайко-самы, отца Фидэ-йори; он подумал, что прах этого великого человека должен был задрожать от радости, когда мимо него проезжал человек, везший спасение его сыну. Нагато миновал предместья и въехал на небольшой холм.

Он бросил последний взгляд на город, который был так дорог его сердцу. Киото был окутан светящейся дымкой и бросал красноватый отблеск среди голубого света, который проливали луна на окружающие его горы. По склонам, между деревьев, блестели, как зеркала, крыши пагод. Позолоченная хризантема над воротами даири горела лучом, как звезда над городом. Но все исчезло за изгибом холма, последний шум Киото смолк. Принц вздохнул, потом, разогнав лошадь, пустился как стрела через поля.

Он миновал много поселков, приютившихся у дороги, и через какой-нибудь час достиг Йодо. Не замедляя хода, он проехал город и миновал замок, высокие башни которого были все залиты лунным светом; вода блестела во рвах.

Этот замок принадлежал Ёдо-гими, матери сегуна. Тогда в нем жил один любимец этой принцессы, генерал Харунага.

– Я плохо верю в храбрость прекрасного воина, который спит за своими стенами, – пробормотал принц, бросив взгляд на молчаливый замок.

Минуту спустя он скакал по рисовому полю.

Кругом луна отражалась в лужах воды, из которых поднимались тонкие колосья; рисовое поле походило на обширное озеро; кое-где над самой землей скатертью расстился тонкий белый туман. Несколько огромных черных буйволов мирно спали, наполовину погруженные в воду.

²² Оджигонгама – дайгон-ген, то есть «сияющий властью». Так буддисты называют святых и духов предков.

Нагато сдерживал задыхавшуюся лошадь. Вскоре он бросил поводья ей на шею и, опустив голову, снова погрузился в неотвязчивую думу. Лошадь пошла шагом, и принц, поглощенный своей мечтой, предоставил ей идти как знает.

Нагато снова видел блестящие залы дворца и приближающуюся к нему царицу; ему все еще чудился шорох ее платьев.

– Ах! – вскричал он вдруг. – Это письмо, которое покоилось у нее на груди, лежит теперь у меня на сердце и жжет меня.

Он быстро вынул письмо из-за пазухи.

– Увы! Нужно будет расстаться с этой бесценной святыней, – пробормотал он.

Он внезапно поднес его к губам. От прикосновения к этой нежной материи, от знакомого аромата, который она издавала, страстная дрожь охватила принца. Он закрыл глаза, упоенный очаровательной негой.

Беспокойное ржание лошади вывело его из восторженного состояния.

Он снова спрятал послание на груди и осмотрелся. В пятидесяти шагах перед ним дорогу пересекала тень, которую бросала кучка деревьев. Принцу показалось, что в тени что-то шевелится. Он схватился за пику, привязанную к седлу, и погнал лошадь, которая упиралась и неохотно шла вперед.

Вскоре не оставалось сомнения для Нагато: на пути его ждали вооруженные люди.

– Как?! Опять?! – вскричал он. – Правителю все-таки очень хочется избавиться от меня.

– И на этот раз он избавится! – ответил один из убийц, подскакав к принцу.

– Я еще не попался тебе в руки, – сказал Нагато, заставляя свою лошадь отскочить в сторону.

Его противник с разбега пролетел мимо, не задев его.

– И безумец же я! – бормотал принц. – Подвергать это драгоценное послание случайностям моей судьбы.

Вокруг него сверкали обнаженные сабли; нападающих было так много, что они не могли все сразу приблизиться к противнику.

Нагато был самым ловким стрелком во всем государстве, он обладал большой силой, хладнокровием и смелостью. Отмахиваясь своей пикой, он переломил несколько мечей, которые сверкали среди кровавого дождя. Потом внезапным скачком он уклонился на минуту от направленных на него ударов.

«Я, конечно, могу защищаться еще несколько минут, – думал он, – но я, без сомнения, погиб».

Разбуженный буйвол протяжно и печально промычал, затем слышался только лязг оружия и лошадиный топот.

Но вдруг среди ночи раздался голос.

– Смелей, принц! – кричал он. – Мы идем к тебе на помощь!

Нагато был покрыт кровью, но еще боролся. Этот голос придал ему новые силы и поразил убийц, которые с беспокойством переглядывались.

Послышался быстрый галоп, и, прежде чем они успели опомниться, отряд всадников обрушился на врагов принца.

Измученный Нагато отъехал немного в сторону и, не понимая хорошенько, что происходит, с удивлением смотрел на своих защитников, которые прибыли так кстати.

Эти люди были восхитительны, при свете луны, которая освещала богатое шитье их одежды и играла на легких касках с резными украшениями.

Принц узнал мундир небесных всадников – почетной стражи микадо. Вскоре от убийц, посланных правителем, остались только мертвые. Победители вытерли свое оружие, и начальник отряда приблизился к Нагато.

– Ты опасно ранен, принц? – спросил он.

– Не знаю, – отвечал Нагато, – в пылу битвы я ничего не чувствовал.

– Но твоё лицо все в крови.

– Правда, – сказал принц, поднося руку к щеке.

– Не хочешь ли сойти с лошади?

– Нет, боюсь, что буду не в состоянии снова сесть на нее. Но не будем говорить больше обо мне. Позволь мне поблагодарить тебя за твоё чудесное заступничество, которое спасло мне жизнь, и спросить тебя: по какому стечению обстоятельств вы очутились в этот час на этой дороге?

– Я тебе это скажу сейчас, – отвечал всадник, – но прежде надо перевязать твою рану, а то из нее вытечет вся твоя кровь.

Из соседнего болота принесли воды и омыли лицо принца. На лбу, подле виска, обнаружилась довольно глубокая рана. Покуда наложили только плотную повязку на лоб.

– У тебя есть еще раны, не правда ли?

– Я думаю, но я в силах доехать до Осаки.

– Ну, так в дорогу! – сказал всадник. – Мы поговорим по пути.

Маленький отряд тронулся.

– Так, значит, вы сопровождаете меня? – спросил Нагато.

– Мы имеем приказание не покидать тебя более, принц, но исполнение этого долга доставляет нам только удовольствие.

– Не окажешь ли ты мне честь назвать твоё славное имя? – спросил Нагато, кланяясь.

– Ты знаешь меня, Нагато: я Фару-Со-Шань, князь Тзусимы.

– Супруг прекрасной Иза-Фару, которую я имел честь видеть еще сегодня! – вскричал Нагато. – Прости меня, я должен был узнать тебя по ужасным ударам, которые ты наносил врагам, но я был ослеплен кровью.

– Я горжусь и счастлив тем, что меня выбрали для твоей охраны и для предотвращения тех тяжелых последствий, которые могла вызвать твоя беспечная смелость.

– Я действительно поступил непростительно опрометчиво, – сказал Нагато. – Я мог riskовать своей жизнью, но не драгоценным посланием, которое везу.

– Позволь сказать тебе, дорогой принц, что в пакете, который ты везешь, находится лишь белая бумага.

– Возможно ли! – вскричал Нагато. – Неужели мной играли? В таком случае... Я не могу пережить такого оскорбления.

– Успокойся, друг! – сказал принц Тзусима. – Выслушай меня. После сегодняшнего праздника, возвратившись в свои покои, божественная Кисаки тотчас же позвала меня. «Фару, – сказала она мне, – сегодня ночью принц Нагато покидает Киото. Я знаю, что его хотят убить и что он может попасть в засаду; поэтому я дала ему вместо послания, которое он думает везти, пустой конверт. Настоящее же письмо здесь, – прибавила она, указывая на маленькую шкатулку. – Возьми с собой пятьдесят человек и следуй за принцем на некотором расстоянии; если на него нападут, бросайтесь к нему на помощь; если же нет – догоните его у ворот Осаки и вручите ему этот ящичек, не говоря ему, что вы сопровождали его». Но только ты обладаешь несравненными лошадьми, и мы чуть было не приехали слишком поздно к тебе на помощь.

Нагато был сильно взволнован этим известием. Он вспоминал, с какой нежностью царица пожелала ему счастливого пути, и не мог не видеть во всем происшедшем участия к его судьбе. Он думал также о том, что может сохранить это сокровище – это письмо, которое она хранила в течение всего вечера у себя на груди.

Остальную часть пути проехали молча. Нагато охватила лихорадка; свежесть близкого рассвета заставляла его дрожать, и он почувствовал, что ослабевает от потери крови.

Когда достигли ворот Осаки, занимался день.

Тзусима вынул из луки седла маленький хрустальный ящичек, искусно завязанный шелковым шнурком.

– Вот, принц! – сказал он. – Драгоценное письмо заперто в этой коробочке. До свидания. Пусть твои раны поскорей заживут!

– До свидания, – сказал Нагато. – Еще раз благодарю за то, что ты рисковал своей драгоценной жизнью из-за моей, которая ничего не стоит.

Раскланявшись со всем маленьким отрядом всадников, Нагато скрылся в городских воротах и, пришпорив лошадь, скоро достиг дворца.

Когда Лоо увидел своего господина, бледного, как привидение, и покрытого кровью, он упал на колени и стоял, обезумев от удивления.

– Ну-ну, – сказал принц, – закрой свой разинутый рот и встань, я еще не умер. Позови моих слуг и беги за доктором.

Глава VI

Братство слепых

Несколько часов спустя, на веранде дворца Иэясу толпились придворные. Каждый хотел первым приветствовать настоящего властелина, и все ждали его пробуждения. Одни стояли, прислонившись к колонкам из кедрового дерева, которые поддерживали крышу, другие приняли горделивую позу, подбоченясь и смяв шелковистые складки широкого халата. Один из них рассказывал, без сомнения, очень занимательный анекдот, так как его внимательно слушали; иногда он вызывал взрывы смеха; но они тотчас же обрывались из почтения к сну такой знатной особы.

Рассказчиком был принц Тоза, а героем происшествия, о котором он рассказывал, – Нагато.

– Вчера, – говорил он, – солнце уже заходило, когда я услышал стук в ворота моего дворца. Я подошел к окну и увидел, что мои слуги спорят с кучкой слепцов. Последние, во что бы то ни стало, хотели войти, говорили все зараз и стучали по плитам своими палками. Слуги кричали, желая выгнать их, и никто никого не слушал. Эта сцена начинала раздражать меня, когда я увидел принца Нагато. Мои слуги тотчас же поклонились ему и, по его приказанию, впустили слепых в павильон, который служит конюшней для лошадей посетителей. Я пошел навстречу принцу из любопытства узнать, что означает вся эта комедия. «Поспешим, – сказал он, входя ко мне в комнату и бросая на ковер сверток. – Снимем наши одежды и оденемся в это платье». – «К чему?» – сказал я, смотря на наряд, который был мне совсем не по вкусу. «Как?! – воскликнул он. – Разве не пора уже сбросить скучную пышность нашего сана, чтобы снова стать веселыми и свободными людьми?» – «Да, – сказал я, – но зачем пользоваться нашей свободой для того, чтобы закутываться в эти некрасивые одежды?» – «Ты увидишь, у меня есть план, – сказал принц, уже раздеваясь, потом прибавил мне на ухо: – Я женюсь этой ночью. Ты увидишь, какая свадьба!» – «Как?! Ты женишься? В этом наряде?» – вскричал я, видя принца в жалкой одежде. «Ну же, скорей! – сказал он. – Не то мы не застанем невесту». Принц уже спускался по лестнице. Я спешил натянуть одежду, похожую на его, и, заинтригованный, последовал за ним. «Ну, – крикнул я ему. – А все эти слепые, которых ты велел отвести в конюшню?» – «Мы присоединимся к ним». – «В конюшне?» – спросил я. Я ничего не понимал, но верил в широкую фантазию принца и решился подождать развязки. Слепые вышли на большой двор, и я увидел, что мы одеты так же, как они. У несчастных был самый смешной вид: глаза без ресниц, плоские носы, толстые губы и бессмысленное, веселое выражение. Нагато взял палку в руки, крикнув: «В дорогу!» Растворили ворота. Слепцы пустились в путь, стуча по земле палками и держа друг друга за полы. Нагато, сгорбившись, закрыв глаза, последовал за ними. Я понял, что должен делать то же, и подражать как нельзя лучше. Мы очутились на улицах, со свитой из слепцов. Я не мог удержаться, мною овладел приступ смеха, которым вскоре заразились все мои товарищи.

– Нагато окончательно потерял голову! – вскричали слушатели принца Тозы, раздражаясь смехом.

– Мне кажется, что Тоза тоже не особенно-то благоразумен!

– Принц же Нагато не смеялся, – продолжал рассказчик, – он был очень рассержен. Я попробовал осведомиться у ближайшего слепого насчет намерений принца: он их не знал. Я узнал только, что общество, к которому я присоединился, принадлежало к той общине слепцов, ремеслом которых было ходить к бедным людям растирать слабых и больных. Я начал смутно догадываться о намерениях Нагато. Он хотел отправиться в этом грубом наряде в жилище честных торговцев. Мысль, что нам придется, может быть, растирать кого-нибудь, повергла

меня в такое настроение, что, несмотря на все усилия сохранить в угоду принцу серьезный вид, я должен был остановиться и сесть на тумбу, чтобы не надорваться от смеха. Нагато был взбешен. «Ты расстроишь мою свадьбу», – говорил он. Я снова пустился в путь, жмуря глаза и подражая, насколько возможно, походке моих собратьев. Они стучали по земле своими палками, воспевая на известный мотив свою ловкость в растирании, и при этом пении из окон выставлялись человеческие фигуры и звали их. Таким образом мы прибыли к одному невзрачному домику; палки застучали с удвоенной силой. Голос позвал растиральщиков. «Иди, – сказал мне Нагато. – Здесь!» Мы отделились от группы, поднялись на несколько ступенек и очутились в доме. Я увидел двух женщин, которым Нагато поклонился, повернувшись спиной. Я поспешил закрыть глаза и поклониться стене. Несмотря на это, я приоткрыл один глаз из любопытства. Я видел молодую девушку и старую женщину, без сомнения, ее мать. «Сначала займитесь мной, – сказала старуха, – потом вы будете растирать моего мужа». Она тотчас присела на землю и обнажила спину. Я понял, что на мою долю досталась старуха и что нужно было решительно заняться моим новым ремеслом. Нагато запутался в приветствиях. «А, а, а!» – восклицал он, как подчиненный, который приветствует особу высокого положения. Я начал грубо тереть старую женщину, которая испускала жалобные стоны. Я делал все усилия, чтобы сдерживать смех, который снова подступал к горлу и душил меня. Молодая девушка скромно, как будто мы были зрячие, обнажила плечо. «Здесь, – говорила она. – Я ударилась, и доктор сказал, что растирание поможет мне». Нагато принялся растирать молодую девушку с удивительной серьезностью, но вдруг он, казалось, забыл свою роль слепца. «Какие у вас чудесные волосы! – говорил он. – Без сомнения, чтобы сделать прическу благородных дам, вам не нужно, подобно им, прибегать к хитростям для удлинения волос». Молодая девушка вскрикнула и обернулась; она увидела широко раскрытые глаза Нагато, которые смотрели на нее. «Мама! – вскричала она. – Это ложные слепцы!» Мать как сидела, так и упала на пол. Удивление лишило ее всех способностей, и она не сделала никаких усилий, чтобы встать, но стала издавать необыкновенно визгливые крики. Прибежал перепуганный отец. Я же дал полную волю моему смеху и покатился вдоль стены комнаты, не владея больше собой. К моему великому удивлению, принц Нагато бросился к ногам мастерового. «Прости нас! – сказал он. – Твоя дочь и я, мы хотим обвенчаться. А так как у меня нет денег, то я решил, по обычаю, увезти ее, чтобы избежать свадебных расходов. Как принято, ты простил бы нас, после некоторых упрасиваний». – «Я? Выйти замуж за этого человека? – говорила молодая девушка. – Но я его совсем не знаю!» – «Ты думаешь, что моя дочь согласится взять себе в мужья подобного тебе разбойника?! – вскричал отец. – Ну, вон отсюда как можно скорей, если ты не хочешь отведать моих кулаков!» Шум этого гневного голоса стал привлекать к дому толпу. Нагато глубоко вздохнул. «Уйдешь ли ты?!» – вскричал простолюдин, красный от гнева. И, среди самой грубой брани, он занес кулак над Нагато. «Не бей того, кто будет твоим сыном», – сказал принц, отстраняя его руку. «Ты – мой сын? Скорей ты увидишь цветы на снежных вершинах Фудзиямы». – «Клянусь тебе, что ты будешь моим тестем, – сказал принц, схватывая его поперек тела. Последний отчаянно отбивался, но Нагато вынес его из дома. Тогда я подошел к решетке и увидел собравшуюся у дома толпу, которая расступалась перед скороходами, бежавшими впереди великолепного шествия: музыка, знамена, паланкины – все с гербом принца. Норимоно остановились перед домом, и Нагато втолкнул своего тестя в один из них, который и запер на замок. Я понял, что надо было делать: подхватил старуху и поместил ее в другой паланкин, тогда как Нагато пошел за молодой девушкой. Мы сами сели в два норимоно, шествие тронулось в путь при веселых звуках музыки. Вскоре мы прибыли к прелестному домику, расположенному среди красивейшего сада, который я когда-либо видел. Все было освещено. Слышались звуки оркестров, спрятанных в листве; суетливые слуги бегали взад и вперед. «Что значит этот прелестный дворец?» – спросил я Нагато. «О, ничего! – презрительно ответил он. – Это – маленький домик, который я купил для моей новой жены». – «Он с ума сошел, – подумал я, – и совершенно разорится, но это меня не касается».

Нас провели в комнату, где мы оделись в великолепное платье, потом спустились в пиршественную залу. Там собрались все молодые друзья Нагато – Сатакэ, Фунго, Аки и многие другие. Они встретили нас странными возгласами. Вскоре вошла невеста, в великолепном наряде, в сопровождении отца и матери, которые путались в складках шелковых одежд. Отец, казалось, совсем успокоился, мать была ошеломлена, а молодая девушка до того остолбенела, что стояла с широко открытым ртом. Нагато объявил, что берет ее себе в жены, – и свадьба состоялась. Я никогда не видел такой веселой. Угощение было самое изысканное, все скоро напились. И я так же, как и все. Но к трем часам я велел привезти себя во дворец, чтобы отдохнуть, так как сегодня утром я хотел быть при пробуждении правителя.

– Это самая безумная история, которую только я знаю, – сказал принц Фиго. – Действительно, только Нагато способен устраивать такие шутки.

– И он в самом деле женился? – спросил другой вельможа.

– Конечно, вполне достоверно, – сказал принц Тоза. – Свадьба законна, несмотря на низкое происхождение жены.

– Каждый день принц выдумывает новые безумства и задает блестящие празднества; без сомнения, его огромное состояние растрачено в конце концов.

– Если он разорится, это доставит удовольствие правителю, который совсем не любит его.

– Да, но это огорчит сегуна, который очень любит его и не потерпит, чтобы он нуждался в деньгах.

– Смотрите-ка! – вскричал принц Тоза. – Вот Нагато возвращается во дворец.

Действительно, по саду двигалось шествие. На знаменах и норимоно, которые несли двадцать человек, виднелись гербы принца: серая полоса над тремя шарами, расположенными в виде пирамиды. Шествие прошло довольно близко от веранды, на которой расположились вельможи, и сквозь занавески норимоно они увидели молодого человека, который дремал на подушках.

– Он, конечно, не придет к пробуждению правителя, – сказал один вельможа, – он побойтся заснуть на плече Иэясу.

– Нагато никогда не приходит приветствовать Иэясу, он глубоко презирает его: это открытые враги.

– Такого врага совершенно нечего бояться, – сказал принц Тоза. – Возвращаясь после своих ночных безумств, он способен только спать.

– Не знаю, что думает об этом правитель.

– Если бы он иначе думал, неужели он стал бы переносить личные оскорбления, за которые принц заслуживает осуждения на харакири? Если Нагато еще жив, так этим он обязан мягкости Иэясу.

– Или нежному покровительству Фидэ-йори.

– Конечно, Иэясу великодушен только из уважения к сегуну, но если бы он не имел врагов, подобных Нагато, почел бы себя счастливым.

Пока придворные разговаривали таким образом в ожидании пробуждения Иэясу, последний уже давно встал и ходил большими шагами по своей комнате, беспокойный и взволнованный; его озабоченное лицо носило следы бессонницы.

Подле правителя, прислонившись к стене, стоял человек и смотрел, как тот ходит взад и вперед. Этот человек был старый конюх по имени Факсибо. Конюхи пользовались довольно большим уважением с тех пор, как была дана власть Тайко-саге, по происхождению конюху. Факсибо больше, чем кто-либо, вошел в доверие к правителю, который ничего не скрывал от него и думал при нем вслух.

Иэясу ежеминутно приподнимал у окна штору и смотрел на улицу.

– Ничего, – нетерпеливо говорил он, – ничего нового: это непонятно.

– Потерпи еще несколько минут, – говорил Факсибо. – Те, кого ты послал на дорогу в Киото, еще не могли возвратиться.

– Но другие! Их было сорок, и никто не возвращается. Если он и на этот раз ускользнул от меня, то можно с ума сойти.

– Ты преувеличиваешь, может быть, значение этого человека, – сказал Факсибо. – Какая-нибудь любовная интрига влечет его в Киото; голова его полна безумств.

– Ты так думаешь, а я уверяю тебя, что этот человек страшит меня, – твердо сказал правитель, останавливаясь перед Факсибо. – Никогда не знаешь, что он думает. Полагают, что он тут, а он – там. Он обманывает самых бдительных шпионов: один утверждает, что видел его в Киото, а другой клянется, что ни на минуту не покидал его и что Нагато не покидал Осаки. Все эти друзья ужинали с ним, пока он дрался с посланными мною людьми, возвращаясь из столицы²³. Думаешь, что он спит или занимается любовными похождениями, но как только мой план готов исполниться, его рука обрушивается на меня в последнюю минуту. Без него империя давно была бы в наших руках; у меня много приверженцев, но его друзья также не менее сильны, и на его стороне право. Да вот кто разрушил этот план, который я так ловко составил, чтобы, под видом случайности, освободить страну от бездарного и безвольного сегуна, – этот план, благодаря которому власть была бы в моих руках? Какой проклятый кучер пустил на мост эту дьявольскую телегу? Нагато! Всегда он. Тем не менее, – прибавил Иэясу, – кто-нибудь другой, один из моих союзников, должен был изменить, потому что невозможно, чтобы что-нибудь обнаружилось само собой. Ах, если бы я знал имя изменника! Я бы, по крайней мере, насладился ужасной мезью.

– Я сообщил тебе, что успел открыть, – сказал Факсибо. – Во время крушения Фидэ-йори воскликнул: «Омити, ты была права!»

– Омिति! Кто это – Омिति? Мне незнакомо это имя.

Правитель прошел в соседнюю залу, которая отделялась только широкой завесой от веранды, где вельможи ждали его пробуждения. Изнутри можно было видеть через эту завесу, не будучи видимым. Иэясу услышал имя Нагато: он быстро подошел и сделал знак Факсибо подойти к нему. Таким образом, он услышал все повествование принца Тозы.

– Да, – бормотал Иэясу, – я давно считал его за разнузданного человека, неважного в политическом отношении, поэтому-то я и покровительствовал сначала его дружбе с Фидэ-йори. Как я раскаиваюсь теперь, когда знаю, что он такое!

– Вы видите, господин, – сказал Факсибо, – что принц, без сомнения, предупрежденный о вашем плане, не покидал Осаки.

– А я тебе говорю, что он был в Киото и уехал оттуда только поздно ночью.

– Тем не менее принц Тоза тоже расстался с ним очень поздно.

– Один из моих шпионов проследил за ним до Киото, он вошел туда среди бела дня и покинул его только в полночь.

– Это непонятно, – сказал Факсибо. – Смотрите, вот он возвращается, – прибавил он, заметя свиту Нагато.

– Да он ли сидит в носилках? – спросил Иэясу, стараясь разглядеть его.

– Мне кажется, что я узнал его, – сказал Факсибо.

– Это невозможно, это не может быть принц Нагато, если только это не его труп.

В эту минуту кто-то вошел в комнату и распростерся на полу.

– Это мой посланный! – вскричал Иэясу, быстро возвращаясь в первую залу. – Говори скорей, ну, что же ты узнал?

– Я отправился на то место дороги, куда ты мне указал, всемогущий господин, – сказал посланный. – На этом месте вся дорога усеяна мертвецами. Я насчитал сорок человек и

²³ То есть из Киото.

пятнадцать лошадей. Вокруг мертвых толпились крестьяне; они щупали их, чтобы убедиться, что жизнь отлетела от них; другие гнались за ранеными лошадьми, которые бегали по рисовым полям. Я спросил, что здесь случилось. Мне сказали, что не знают. Между тем на восходе солнца видели отряд всадников божественного микадо, который ехал по направлению из Киото. Что же касается мертвых людей на дороге, окропленной их кровью, то на них были темные одежды, без всякого значка, и лица их были наполовину закрыты шапками, по обычаю разбойников или убийц.

– Довольно! – вскричал Иэясу, нахмутив брови. – Иди!

Посланный удалился, или, вернее, убежал.

– Он и на этот раз ускользнул от меня, – сказал Иэясу. – Хорошо же! Я сам убью его. Цель, к которой я стремлюсь, достаточно благородна, чтобы мне колебаться перед жестокими средствами и не устранить препятствия, которые стоят на моем пути. Факсибо, – прибавил он, обращаясь к бывшему конюху, – пусть войдут те, кто ждет. Может быть, их присутствие разгонит печальные предчувствия, которые осаждали меня всю ночь.

Факсибо поднял завесу, и вельможи вошли один за другим, чтобы приветствовать господина. Иэясу заметил, что придворных меньше, чем обыкновенно; были только принцы, вполне преданные его делу, и несколько безразличных господ, которые явились просить милости правителя.

Иэясу, разговаривая с вельможами, вышел на веранду и выглянул наружу.

Ему показалось, что на дворах дворца господствовало необыкновенное движение. Ежеминутно отправлялись гонцы и приезжали принцы в своих норимоно, несмотря на ранний час. Все направлялись к дворцу Фидэ-йори.

– Что такое происходит? – сказал он. – Почему такое волнение? Что значат эти гонцы, которые разносят неизвестные мне приказания?

И, полный беспокойства, он жестом отпустил вельмож.

– Вы извините меня, не правда ли? – сказал он. – Заботы о стране отвлекают меня.

Но прежде, чем принцы успели уйти, в комнату вошел солдат.

– Сегун Фидэ-йори просит знаменитого Иэясу сообразоваться явиться сейчас к нему, – сказал он.

И, не дожидаясь ответа, он удалился.

Иэясу остановил вельмож, которые собирались уходить.

– Подождите меня здесь, – сказал он. – Я не знаю, что такое готовится, но меня мучит беспокойство. Вы преданы мне и, может быть, понадобится мне.

Он простился с ними жестом и, опустив голову, медленно вышел в сопровождении одного Факсибо.

Глава VII

Клятвопреступник

Когда Иэясу вошел в залу, где его ждал Фидэ-йори, он понял, что должно произойти что-то важное.

В этой зале собрались все приверженцы сына Тайко-самы.

На Фидэ-йори в первый раз был надет военный наряд, который мог носить только он один. На нем была черная роговая кольчуга. Тяжелые набедренники из маленьких пластинок, соединенных красными шелковыми узелками, ниспадали на широкие парчовые панталоны, засунутые до колен в бархатные поножия. С обоих боков висело по сабле. На груди блестели три звезды; он опирался на железную трость.

Молодой человек сидел на стуле, как воины в своих палатках.

По правую сторону находилась его мать, прекрасная Ёдо-гимми, вся бледная и взволнованная, но великолепно одетая. По левую – принц Меяда, который правил вместе с Иэясу; он был очень стар и давно болел, а потому держался в стороне от дел; несмотря на это, он наблюдал за Иэясу и оберегал, насколько возможно, интересы Фидэ-йори.

С одной стороны расположились принцы Сатсума, Сатакэ, Арима, Аки, Изида, с другой – воины: генерал Санада-Саемон-Йокэ-Мура, в военных доспехах, другие военачальники – Аруфза, Мотто-Тзуму, Харунага, Морицка, и один совсем молодой человек, прекрасный, как женщина, и очень серьезный, по имени Сигнэнари.

Все друзья молодого принца и смертельные враги правителя были в сборе, только Нагато отсутствовал.

Иэясу обвел гордым взглядом всех присутствующих.

– Вот я! – сказал он вполне твердым голосом. – Я жду: что вам нужно от меня?

В ответ ему было глубокое молчание. Фидэ-йори с ужасом отвернулся от него.

Наконец принц Меяда заговорил:

– Мы не хотим от тебя ничего, кроме справедливости. Мы хотим просто напомнить тебе одну вещь, которую ты, по-видимому, забыл. Твоя обязанность, как и моя, кончилась уже много месяцев тому назад, Иэясу, а ты, в твоём рвении к управлению страной, забыл об этом. Сын Тайко сам достиг теперь возраста, когда может управлять, значит, твоё управление кончилось, и тебе остается только сложить твои полномочия к ногам сегуна и отдать ему отчет в твоих поступках, так же как я отдал ему отчет в моих действиях за все время, пока он находился под нашей опекой.

– Ты не думаешь о том, что говоришь! – вскричал Иэясу, вспыхнув от гнева. – Ты, вероятно, хочешь довести страну до гибели?

– Я говорил мягко, – возразил Меяда, – не заставляй меня переменить тон.

– Ты хочешь, чтобы неопытный ребенок, – продолжал Иэясу, не обращая внимания на то, что его прервали, – не приучившись сначала к трудному положению главы государства, взял в руки власть?.. Да это все равно, как если бы ты дал тяжелую фарфоровую вазу в руки новорожденного; так он уронит ее на землю, и ваза разобьется на тысячу кусков.

– Ты оскорбляешь нашего сегуна! – вскричал принц Сатакэ.

– Нет! – сказал Иэясу. – Фидэ-йори сам согласится со мной. Нужно, чтобы я постепенно вводил его в мои занятия и указал на возможные решения разбираемых вопросов. Занимался ли он когда-нибудь делами страны? Его молодой ум еще не созрел, и я сумел отстранить от него заботы правления. Я один владею распоряжениями великого Тайко, и я один могу продолжать гигантское дело, которое он предпринял. Оно еще не кончено. Следовательно, чтобы повиноваться этому почтенному главе, я должен, несмотря на твое желание, удержать в своих

руках доверенную мне власть. Только чтобы показать тебе, что я считаюсь с твоими советами, с сегодняшнего же дня молодой Фидэ-йори примет участие в важных занятиях, тяжесть которых я нес до сих пор один. Отвечай, Фидэ-йори! – прибавил Иэясу. – Объяви сам, что слова мои тебе по сердцу.

Фидэ-йори медленно повернул к Иэясу свое очень бледное лицо и очень пристально посмотрел на него. Потом, после минутного молчания, он сказал немного дрожащим, но полным ненависти голосом:

– Шум, который произвел обрушившийся у моих ног Ласточкин мост, сделал меня глухим к твоему голосу.

Иэясу побледнел перед тем, кого он пробовал толкнуть на верную смерть, он был уничтожен своим преступлением. Его высокий ум страдал от этих пятен крови и грязи, которые попали на него. Он видел, как они в будущем омрачали его имя, которое он хотел видеть славным, уверенный, что его обязанность относительно страны заключалась в сохранении в своих руках власти, которой он был достоин больше, чем кто-либо другой. Он ощущал какой-то гнев, так как был принужден навязывать силой то, о чем его должны были настоятельно просить во имя общественных интересов. Тем не менее, решившись бороться до конца, он поднял голову, склонившуюся на минуту под тяжестью буйных мыслей, и обвел присутствующих строгим, властным взглядом.

После слов сегуна наступило грозное молчание; оно мучительно тянулось. Наконец принц Сатсума прервал его.

– Иэясу! – сказал он. – Я требую именем сегуна, чтобы ты сложил с себя власть, которой облек тебя Тайко-сама.

– Я отказываюсь, – сказал Иэясу.

Крик бешенства вырвался у всех вельмож. Принц Меяда поднялся, он медленно приблизился к Иэясу и вынул из-за пазухи бумагу, пожелтевшую от времени.

– Узнаешь ты это? – спросил он, разворачивая письмо, которое поднес к глазам Иэясу. – Не своей ли кровью ты начертал здесь твое изменническое имя рядом с моим именем честного человека? Разве ты забыл клятвенное изречение: «Власть, которую ты доверяешь нам, мы возвратим ее твоему ребенку, когда он будет совершеннолетним, мы клянемся в этом душами наших предков перед блестящим кругом солнца?» Тайко спокойно уснул, увидев эти несколько красных строк. Теперь же он восстанет из своей могилы, чтобы проклясть тебя, клятвопреступник.

Старик, дрожа от гнева, скомкал в руках написанную кровью клятву и бросил ее в лицо Иэясу.

– Ты в самом деле думаешь, что мы позволим так обобрать нашего ребенка на наших глазах? – продолжал он. – Думаешь ли ты, что, если не хочешь вернуть того, что взял, мы не отнимем у тебя этого? Преступления, которые ты замышляешь, затмили твой рассудок; у тебя нет больше ни души, ни чести, и ты смеешь стоять перед твоим господином, – перед тем, кого ты хотел убить!

– Он не только у меня хочет отнять жизнь, – сказал Фидэ-йори. – Этот человек свирепее тигра: он велел убить этой ночью моего самого верного слугу, моего самого дорогого друга, принца Нагато.

Трепет ужаса пробежал по всему собранию, тогда как глаза Иэясу загорелись радостью. «Освободившись от этого опасного врага, – думал он, – мне легко будет овладеть Фидэ-йори».

Как бы в ответ на его мысли, раздался голос Нагато.

– Не радуйся заранее, Иэясу, – говорил он, – я жив и еще могу послужить сегуну.

Иэясу быстро обернулся и увидел принца, который, подняв завесу, входил в залу.

Нагато походил на призрак; глаза его горели лихорадочным огнем и казались больше и чернее обыкновенного. Его лицо было так бледно, что с трудом можно было различить узенькую белую повязку на лбу, на которой виднелось несколько капель крови. По его телу пробежала болезненная дрожь, так что хрустальный ящик, блестящий в его руках, сильно дрожал.

Генерал Йокэ-Мура подбежал к нему.

– Какое безумие, принц! – вскричал он. – Ты встал и ходишь, потеряв столько крови и несмотря на запрещение доктора!

– Злой друг! – воскликнул Фидэ-йори. – Когда же ты перестанешь играть своей жизнью?!

– Я стану рабом врачей, чтобы заслужить то внимание, которое вы мне оказываете и которого я не стою, – сказал принц, – когда закончу возложенное на меня поручение.

Иэясу, полный беспокойства, упорно молчал, он наблюдал и ждал, часто посматривая на дверь, как бы желая убежать.

– Я должен на коленях подать тебе этот ящичек, и на коленях же ты должен принять его, – сказал принц, – так как в нем заключается послание от твоего и нашего государя, от того, который получил власть свыше, – от всемогущего микадо.

Нагато распростерся и передал шкатулку сегуну, который принял ее, преклонив колено.

Иэясу почувствовал, что в этой шкатулке заключается его окончательная гибель, и подумал, что Нагато, по обыкновению, торжествовал над ним.

Между тем, Фидэ-йори развернул послание микадо и пробежал его глазами. Радость осветила его лицо. Он поднял влажные глаза на Нагато, думая, в свою очередь, что это благодаря ему он торжествовал.

– Принц Сатсума! – сказал он немного погодя, протягивая письмо старому вельможе. – Прочти нам вслух содержание этого божественного послания.

Принц Сатсума прочел следующее:

– «Я, прямой потомок богов, основателей Японии, опускаю свои взгляды на землю и вижу, что время идет со смерти верного слуги моей династии Тайко-самы, которого мой предшественник провозгласил главнокомандующим моего государства. Сыну этого знаменитого начальника, который оказал большие услуги государству, было шесть лет, когда умер его отец; но время шло для него так же, как и для других, и он теперь достиг возраста, когда может наследовать своему отцу: вот почему я, в свою очередь, провозглашаю его главнокомандующим государства.

Через несколько дней Небесные Всадники торжественно возвестят ему мою волю, чтобы всем было известно о ней.

Теперь, возлагая на Фидэ-йори заботы управления, я снова погружаюсь в таинственную бездну моего сверхчеловеческого сна.

Дано в даири, девятнадцатого года ненго²⁴ Кай-Тио²⁵.

Го-Митсу-но»²⁶.

– Против этого нечего возразить, – сказал Иэясу, нагнув голову. – Верховный владыка приказал – я повинуюсь, я слагаю вверенную мне власть, и после оскорблений, которые я вытерпел, я знаю, что мне остается делать. Я желаю, чтобы те, которые устроили это дело, не раскаялись когда-нибудь в том, чего достигли, и чтобы страна не стонала под тяжестью бедствий, которые могут обрушиться на нее.

Сказав эти слова, он вышел; вельможи радостно столпились вокруг молодого сегуна, поздравляя его.

²⁴ Ненго – это слово означает «название года».

²⁵ 1614 год н. э.

²⁶ Имеется в виду Го-Мидзуно (1596–1680) – 108-й император Японии.

– Моего друга и брата Нагато нужно благодарить, – сказал Фидэ-йори, – это он устроил все это.

– Еще не все кончено, – сказал Нагато, который казался озабоченным, – нужно сейчас же подписать смертный приговор Иэясу.

– Но ты же слышал, друг? Он сказал, что знает, что ему надо делать: теперь он приступил к харакири.

– Конечно, – сказал принц Сатсума.

– Он знает закон чести, – прибавил Аки.

– Да, но он презирает эти обычаи и не сообразуется с ними, – заметил Нагато. – Если мы не поторопимся осудить этого человека, он ускользнет от нас, а раз он очутится на свободе, он способен на все.

Принц Нагато развернул свиток белой бумаги и, обмакнув кисточку в чернила, протянул ее сегуну.

Фидэ-йори, казалось, колебался.

– Осудить его так, без суда? – сказал он.

– Суд бесполезен! – возразил Нагато. – Перед всем советом он преступил клятву, и непочтительно обошелся с тобой. Больше того: это убийца.

– Он дедушка моей жены, – пробормотал сегун.

– Ты разведешься со своей женой, – сказал Нагато. – Раз Иэясу жив – нет ни спокойствия для тебя, ни безопасности для страны.

Фидэ-йори вдруг взял кисточку, написал приговор и подписал его.

Нагато передал распоряжение генералу Санаде-Саемону-Йокэ-Муре, который тотчас вышел.

Вскоре он вернулся с гневным видом.

– Слишком поздно! – вскричал он. – Принц Нагато был вполне прав: Иэясу бежал.

Глава VIII

Замок Овари

На берегу Тихого океана, на вершине скалистого холма, высится крепость принцев Овари. Ее стены, усыпанные бойницами, извиваются по неровностям почвы. Там и сям они скрываются за кучками деревьев и кустарников, свежая зелень которых составляет удачный контраст с расщелинами скал цвета ржавчины. Местами возвышаются четырехгранные башни, у основания расширенные наподобие пирамид и покрытые крышами с загнутыми вверх краями.

С крепости открывается чудесный вид. У самого подножия холма маленькая кругленькая бухточка составляет верное убежище для джонок и барок, которые прорезывают прозрачную воду во всех направлениях. Дальше расстилаются голубые воды Тихого океана, которые кажутся на горизонте прямой темно-синей линией. С суши начинаются первые возвышенности горной цепи: скалы, покрытые бархатистым мхом, высокие холмы, местами обработанные до вершины. Между горами расстилается долина, в которой приютилась у ручья, в тени маленького леска, деревенька; вдали новые холмы замыкают долину.

Широкая и хорошо поддерживаемая дорога вьется по неровностям земли и проходит у подножия замка Овари. Эта дорога, которую называют Токайдо, построена Тайко-самой; она пересекает всю империю, проходит через владения даймио и находится в исключительном ведении сегуна.

Принц, который управлял провинцией Овари, жил тогда в своем замке.

Около трех часов пополудни, в тот день, когда Иэясу бежал из Осаки, часовой с самой высокой башни Овари закричал, что он видит отряд всадников, который скачет по Токайдо. Принц находился в это время в одном из дворцов замка. Сидя на корточках, уперев руки в бока, он присутствовал на уроке харакири, который давался его маленькому сыну.

Ребенок, сидя на циновке посреди двора, держал обеими руками короткую, тупую саблю и смотрел с наивным, но уже важным выражением, на учителя, который сидел напротив него. Сверху, с галерей, смотрели женщины, и их одежды выступали яркими пятнами на светлой деревянной резьбе. На их платьях были вышиты огромные бабочки, птицы, цветы или пестрые круги. Головы всех были утыканы шпильками из желтой черепахи. Они с очаровательным жеманством болтали между собой.

На дворе, прислонившись к столбу бронзового фонаря, стояла молодая девушка. Платье из небесно-голубого крепа плотно обтягивало ее, так что все складки падали вперед. Она рассеянно смотрела на мальчика, держа в руках веер, на котором была нарисована птица колибри.

– Держи крепко саблю! – говорил учитель. – Ткни ею под ребра с левой стороны и смотри, чтобы острие лезвия было обращено в правую сторону. Теперь зажми хорошенько в руках рукоятку и нажми изо всех сил, потом быстро, не переставая нажимать, поставь оружие горизонтально к правой стороне: таким образом ты перережешь тело по всем правилам.

Ребенок с такой силой исполнил это действие, что разорвал себе одежду.

– Хорошо! Хорошо! – вскричал принц Овари, хлопая себя ладонями по ляжкам. – Мальчик обладает смелостью!

В то же время он поднял глаза к женщинам, склонившимся с галереи, и сообщил им свое впечатление кивком головы.

– Он будет смел и бесстрашен, как его отец, – сказала одна из них.

Как раз тогда пришли известить принца о появлении отряда всадников на дороге.

– Наверное, соседний вельможа едет навестить меня инкогнито, – сказал принц. – Или же эти всадники просто проезжие путешественники. Во всяком случае, незачем прерывать урока.

Тогда учитель стал перечислять своему ученику все случаи, которые обязывают человека благородного происхождения вспарывать живот: если заслужишь немилости сегуна или получишь от него публичный выговор; если будешь обещен или отомстишь за оскорбление убийством; если умышленно или нечаянно упустишь узника, доверенного твоей охране, и тысячу других тонкостей.

– Прибавьте, – сказал принц Овари, – если будет непочтителен к своему отцу. По моему мнению, сын, который оскорбляет своих родителей, может искупить свою вину, только прибегнув к хакари.

Он взглянул снова на женщин, и взгляд этот значил: хорошо внушать детям ужас перед родительской властью.

В эту минуту раздался сильный топот копыт по мостовой соседнего двора и повелительный голос крикнул:

– Поднять подъемные мосты! Запереть ворота!

Принц Овари быстро вскочил.

– Кто это распоряжается у меня? – спросил он.

– Я! – ответил тот же голос.

В то же время толпа проникла во второй двор.

– Правитель! – вскричал принц Овари, распростершись.

– Встань, друг! – сказал Иэясу с горькой улыбкой. – Я больше не имею права на почести, которые ты мне воздаешь: в данную минуту я твой равный.

– Что такое творится? – спросил принц с беспокойством.

– Отправь твоих женщин, – сказал Иэясу.

Овари сделал знак, и женщины исчезли.

– Уведи своего брата, Омита, – сказал он молодой девушке, которая страшно побледнела при появлении Иэясу.

– Твою дочь зовут Омита? – спросил тот, внезапно покраснев.

– Да, господин. К чему этот вопрос?

– Позови ее, пожалуйста.

Овари послушался. Молодая девушка вернулась, дрожа, с опущенными глазами.

Иэясу пристально посмотрел на нее, с таким выражением лица, которого испугался бы всякий, кто знает этого человека. Между тем молодая девушка подняла голову, и в ее глазах можно было прочесть непоколебимое бесстрашие, что-то вроде готовности пожертвовать собственной жизнью.

– Это ты нас выдала? – спросил Иэясу глухим голосом.

– Да, – сказала она.

– Что это значит? – вскричал Овари, привскочив.

– Это значит, что она слышала и открыла заговор, так хорошо составленный в стенах этого замка и так таинственно скрытый от всех.

– Негодная! – вскричал принц, занося кулак над дочерью.

– Женщина... нет, ребенок расстроил политический план! – продолжал Иэясу. – Дрянной камень, о который вы спотыкаетесь и летите на землю, это смешно!

– Я убью тебя! – заревел Овари.

– Убейте, что ж из этого? – сказала молодая девушка. – Я спасла сегуна. Разве его жизнь не стоит моей? Я уже давно жду вашей мести.

– Тебе больше не придется ждать ее, – сказал принц, хватая ее за горло.

– Нет. Не убивай ее! – сказал Иэясу. – Я беру на себя ее казнь.

– Хорошо, – сказал Овари, – я тебе ее предоставляю.

– Отлично, – воскликнул Иэясу, сделав знак Факсибо, чтобы тот не терял из виду молодую девушку. – Но оставим прошлое и займемся будущим. По-прежнему ли ты предан мне?

– Можешь ли ты сомневаться в этом, господин? И не должен ли я с этих пор стараться исправить вину, которую причинил тебе один из моих без моего ведома?

– Слушай же: заговор внезапно вырвал у меня власть. Я сумел избежать смерти, которая ждала меня, и бежал в мое княжество, Микаву. Твои владения расположены между Осакой и моей провинцией, твоя крепость возвышается над морем и может преградить дорогу солдатам из Осаки: вот почему я здесь остановился, чтобы просить тебя возможно скорее собрать твои войска и принять оборонительные меры. Запри накрепко замок. Я останусь здесь, защищенный от нападения, тогда как мой верный спутник, Ино-Камо-но-Ками, поедет в замок Микаву, укрепит всю область и поднимет всех соседних принцев.

Говоря это, Иэясу указал на одного вельможу из своей свиты, который отвесил низкий поклон Овари, а Овари в свою очередь поклонился вельможе.

– Я твой раб, господин, – отвечал Овари, – располагай мной.

– Отдай же сейчас распоряжение твоим солдатам.

Принц Овари удалился.

Слуги впустили гостей своего господина в прохладные и освеженные залы, подали чай и сладости, а также легкую закуску.

Вскоре Ино-Камо-но-Ками, приняв от Иэясу последние распоряжения, вышел в сопровождении двух вельмож, сел на лошадь и покинул замок.

Иэясу подозвал Факсибо.

Последний был занят уничтожением медового пирога, не спуская глаз с Омита, которая сидела в углу залы.

– Сумеешь ли ты переодеться так, чтобы тебя никто не узнал? – спросил Иэясу своего верного слугу.

– Так, что ты сам не узнаешь меня, – сказал Факсибо.

– Хорошо! Завтра утром ты вернешься в Осаку и узнаешь, что происходит во дворце. К тому же ты будешь путешествовать с женщиной.

Иэясу наклонился к уху бывшего конюха и тихо говорил ему. Нехорошая улыбка скользнула по губам Факсибо.

– Хорошо, хорошо! – сказал он. – Завтра, на рассвете, я буду готов в путь.

Глава IX

Чайный домик

В одном из предместий Осаки, недалеко от взморья, за гладкой белой песчаной полосой возвышалось большое здание, крыши которого различной высоты поднимались над соседними зданиями. Широко раскрытый главный вход выходил на многолюдную и шумную улицу.

На первом этаже широкие окна были завешены яркими шторами. Шторы часто вздувались из-за того, что из окон высовывались любопытные молодые женщины, громко смеявшиеся.

По углам крыш развевались узенькие флаги и спускались большие фонари в виде ромба; нижний этаж состоял из широкой крытой галереи, выходившей на улицу. Три больших черных знака на позолоченной перегородке составляли вывеску заведения, которая гласила: «Заря. Чай и сакэ».

Около полудня галерея была переполнена посетителями. Они сидели, поджав ноги, на циновках, которыми был устлан пол, и пили сакэ или скрывались в облаках пара, который поднимался от чайных чашек, когда они на них дули. Кокетливо одетые и тщательно набеленные и нарумяненные женщины скользили между этими группами, разнося горячий напиток. В глубине виднелись дымившиеся печи и красивый фарфор, расставленный на этажерках красного дерева.

Прохожие, носильщики канго, люди с поклажей, останавливались на минуту, чтобы выпить, и шли дальше.

Иногда перед гостиницей завязывался спор и переходил в драку, к великому удовольствию гостей.

Вот как раз разносчик толкнул продавца осьминогов и раковин; корзина с рыбой перевернулась, и весь улов, выпачканный пылью, лежал на земле.

Оскорбления посыпались с той и с другой стороны, движение прекратилось, собралась толпа и стала выражать сочувствие тому или другому противнику, и вскоре оба лагеря готовы были вступить в драку.

Но присутствующие кричали со всех сторон:

– Канат, канат! Не нужно битвы. Пусть пойдут за канатом.

Несколько человек бросились бегом. Они ходили по домам, наконец нашли, что нужно, и вернулись с толстой веревкой. Тогда зрители выстроились вдоль домов, оставив свободное место для желающих бороться. Последние схватили веревку обеими руками; их было пятнадцать человек с одной стороны и столько же – с другой. Они начали тянуть изо всех сил. Веревка натянулась, задрожала, наконец стала неподвижной.

– Смелей! Стойте твердо! Не отпускайте! – кричали со всех сторон. Однако после долгой борьбы одна сторона от усталости вдруг выпустила веревку. Победители одновременно повалились друг на дружку вверх ногами. В толпе раздались крики и взрывы хохота.

Тем не менее к победителям бросились на помощь, помогли встать, и затем примирение обоих лагерей было скреплено возлиянием сакэ. Трактир переполнился народом, и служанки не знали, что делать.

В эту минуту подошел старик, ведя за руку молодую девушку. Он остановил за рукав проходившую служанку и сказал:

– Я желал бы поговорить с хозяином заведения.

– Вот так нашел время! – сказала служанка с хохотом.

Она грубо вырвалась из рук старика и удалилась, не слушая его больше.

– Я подожду, – сказал он.

Выбив дно у бочки с сакэ, веселые гуляки стали болтать и шумно смеяться. Но вдруг воцарилось молчание: слышалось звонкое пение флейты и дрожащие звуки струнного инструмента. Эта музыка шла из верхних покоев.

– Слушайте, слушайте! – говорили кругом.

Несколько прохожих остановились, прислушиваясь. Раздался женский голос. Можно было ясно слышать слова песни:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.